А. Черняев
Проект.
Советская политика 1972-1991 гг.- взгляд изнутри

1980 год.

1980 год.

1 января 80 г.

Год был сумасшедший, по службе суетливый, по общей ситуации – разоблачительный (в смысле, что дела идут все хуже и во вне и внутри), по всем статьям – не оправдавший надежд. Судя по тому, что можно наблюдать самому вокруг и что говорят, проводили его и встречали Новый уныло. В магазинах пусто и даже на почте в последние дни исчезли марки и конверты: сам наблюдал скандал на Центральном телеграфе по этому поводу – «вредительство», «головотяпство», «голову бы оторвать, кто это допускает» и т.п.

28 января 80 г.

Целый месяц не писал. И какой месяц! Это как на фронте: когда в боях, писать некогда, а после – о боях не хотелось, а хотелось о чем-то «возвышенном», о Москве…

А в мире происходит черт знает что. Весь мир нас осудил и проклял: в ООН – 104 делегации проголосовали против нас и только 17 - с нами. Фарисейство? Да, конечно. Но мы бросили хорошую лакмусовую бумажку – и проявилась затаенная повсюду ненависть (в лучшем случае нелюбовь) к нам. Нас осудили правительства и парламенты, всякие комитеты и деятели персонально, партии и профсоюзы. Даже некоторые «братские» – ИКП, КПИ, КПВ, японцы, бельгийцы, шведы. За агрессию, за попрание всех международных норм, за оккупацию, за подрыв разрядки, за провоцирование гонки вооружений, за посягательство на мусульманский мир, на неприсоединение, на нефтяные источники, от которых зависит жизнь всего Запада и Японии, и проч., и проч.

Да, конечно. Было бы второе Чили или не было бы, никто теперь не может сказать (кстати, это мы в Международном отделе придумали этот аргумент – ответы Брежнева «Правде» сочинялись в основном у нас: Брутенц, Ермонский плюс Толя Ковалев, зам МИД). Впрочем, там и до 27 декабря уже было похуже, чем в Чили – и задолго до Амина, при Тараки оно уже было там. Сейчас, действительно, казни и расправы прекратились… Но ради этого мы пожертвовали остатками престижа социализма и всей разрядкой. Конечно, Брежнев не мог простить Амину, что тот сверг и убил Тараки на другой день после его объятий с Брежневым в Кремле. На этом кто-то сыграл… Ради чего вот, только я не пойму? Или просто по глупости, плохо посчитали. А может быть, провокация в стиле Берия?! Один из западных комментаторов написал: «Это либо страшный просчет, либо страшный расчет». Боюсь, что вторым и не пахло. У того, кто в конце концов решал – просто российская грубость: как это, мол, против меня могут пойти, я покажу, как со мной не считаться!

Ужас ситуации состоит в том, что окончательное = единоличное решение принадлежало полному маразматику. (Хотя подготовлено, сварено оно было другими). Его тут неделю назад показали по телевидению: вручение мандата на избрание в Верховный Совет РСФСР – первый кандидат народа. Зрелище ужасающее.

А «его» ответы «Правде». Инициатива исходила от Б.Н. и Громыко (что подтверждает, что не МИД инициатор Афганистана). Оба они, каждый по своему, развивают теперь «бешенную энергию», чтобы ослабить последствия, отбрехаться, кого возможно удержать и т.п. На моих глазах и с некоторым моим участием срочно варганился текст. Первоначальный, красиво написанный Ковалевым, был отвергнут «Афганской комиссией» (Суслов, Зимянин, Б.Н., Андропов, Громыко), как слишком мягкий. Подключили Брутенца. Он использовал текст «письма братским партиям», который мы сделали за день до этого и не успели «внести в ЦК»… Члены упомянутой комиссии завизировали «Ответы», и Суслов (последняя подпись) распорядился отнести Черненко (единственный человек, вхожий к Брежневу лично, да еще Галя Горошина - стенографистка). Черненко вроде бы возил

«наверх», но надо было торопиться в Завидово на охоту (была уже пятница), и читки не состоялось (теперь «Сам» уже совсем ничего н читает, кроме кратких публичных текстов, ему читают то, что находят нужным в пределах «щадящего режима», чтоб не волновать).

Нам с Загладиным пришлось непосредственно наблюдать эту процедуру, потому что Б.Н. послал нас в приемную Суслова, чтоб перехватить текст, отнести Черненко и воспользоваться этим, чтоб уговорить его дать Пономареву второго Героя по случаю 75-летия. Правда, Суслов поручил отнести текст своему помощнику, и мы с Вадимом остались в приемной «с вымытой шеей». Пришлось нам идти к Черненко «без ничего». Он демократичен, к тому же знает нас близко по совместным поездкам на братские съезды. Выслушал. Обещал доложить, твердо обещал. Но – не Героя, а скорее орден Октябрьской революции (так и вышло). А пока мы сидели у него, по телефонным звонкам узнали, как дальше будут проходить «ответы».

О том, как Б.Н. просил меня проталкивать идею второго Героя – особый разговор. Расскажу позже…

Вернемся к Афганистану. Вся наша (отдельская) работа проходит «под знаком» этого события. Изводимся, выламываем мозги, хотя ясно, что поправить уже ничего нельзя. В историю социализма вписана еще одна точка отсчета.

Картер лишил нас 17млн. тонн зерна (в Москве сразу же исчезла мука и макароны), запретил всякий прочий экспорт, закрыл всякие переговоры и визиты, потребовал отмены Олимпиады (сегодня НОК США согласился с мнением Картера… Что теперь скажет МОК?). Тэтчер проделала с нами то же самое. Португалия запретила нам ловлю рыбы в ее 200-мильной зоне, как и США – у себя, снизив нам квоту вылова с 450 000 тонн до 75 000 тонн. Это же проделали Канада и Австралия. Почти все страны Запада (за исключением Франции) сократили уровень и объем всяких обменов и визитов. Запрещены всякие планировавшиеся выставки и гастроли («Эрмитажа» в США, «Большого» - в Норвегии и проч.). Австралия закрыла заход нашим антарктическим судам в ее порты. Вчера нас осудила Исламская конференция (т.е. все мусульманские государства, кроме Сирии, Ливии, Алжира и самого Афганистана), проходившая в Исламабаде. Нас осудил Европарламент, социал-демократические партии, профсоюзные центры. Новая Зеландия выслала нашего посла Софинского, обвинив его в передаче денег ПСЕНЗ (наши друзья). А что делается в печати, на теле- и радио – трудно было даже вообразить, позорят и топчут нас самым беспардонным образом.

Банки закрыли нам кредиты. У меня был случайный разговор с зам. председателя Госбанка Ивановым. Он рассказал, что не только американские, но и другие банки либо начисто отказываются давать взаймы на оплату прежних долгов (благодаря чему мы уже много лет выходили из положения), либо почти на 1\3 взвинчивают проценты.

У Тихонова, который заменяет Косыгина, состоялось, мол, совещание по этому поводу. Докладывали в ЦК. Положение такое, что придется отказаться платить по прежним кредитам. А это объявление о банкротстве, со всеми вытекающими…

Между тем (знаменитое чеховское «между тем», - между чем тем? – спрашивал он), экономическое положение, видимо, аховое. Мне тут поручили выступать на партсобрании с докладом по итогам ноябрьского Пленума. Кое-что внимательно почитать пришлось. Доклад я сделал «критический и суровый». Но не в этом дело… Подтверждений не пришлось долго ждать. В прошлый вторник на Секретариате ЦК обсуждался вопрос «О хищениях на транспорте». Я буквально содрогался от стыда и ужаса… Три месяца работала комиссия ЦК под председательством Капитонова. И вот, что она доложила на Секретариате:

За два года число краж возросло в два раза; стоимость украденного - в 4 раза;

40 % воров – сами железнодорожники;

60 % воров – сами работники водного транспорта;

9-11 000 автомашин скапливается в Бресте, потому что их невозможно передать в таком «разобранном» виде иностранцам;

25 % тракторов и сельскохозяйственных машин приходят разукомплектованными;

30 % автомобилей «Жигули» вернули на ВАЗ, так как к потребителю они пришли наполовину разобранными;

на 14 млрд. рублей грузов ежедневно находятся без охраны;

охранники существуют, их 69 000, но это пенсионеры, инвалиды, работающие за 80-90 рублей в месяц;

воруют на много млрд. рублей в год;

мяса крадут в 7 раз больше, чем два года назад, рыбы в 5 раз больше.

Заместитель министра внутренних дел доложил, что в 1970 году поймали 4 000 воров на железной дороге, в 1979 – 11 000. Это только тех, кого поймали. А кого не поймали – сколько их? Ведь поезда по трое суток стоят на путях без всякого присмотра, даже машинист уходит.

Несчастный Павловский (министр) опять каялся, как и на Пленуме. Просил еще 40 000 человек на охрану. Не дали…

Обсуждение (ворчание Кириленко, морали Пономарева в духе большевизма 20-ых годов – «как, мол, это возможно! Это же безобразие! Где парторганизации, профсоюзы, куда смотрят»…) поразило всех полной беспомощностью.

[Между прочим, когда Б.Н. призывал «мобилизовать массы для борьбы с этим безобразием», Лапин (председатель теле-радио) саркастический старик, сидевший рядом со мной, довольно громко произнес: «Ну, если массы мобилизуем, тогда все поезда будут приходить совсем пустыми!»]

В этом, извините, «вопросе» - концентрированно отражено состояние нашего общества – и экономическое, и политическое, и идеологическое, и нравственное.

Ничего подобного не знала ни царская Россия, ни одна другая цивилизованная страна.

И ведь это только на железных дорогах. А повсюду в остальном: газеты буквально ломятся от разоблачительных фактов обворовывания государства и граждан во всей системе торговли, обслуживания, здравоохранения, культуры. Всюду – полный разврат. Вчера меня с дачи вез пожилой шофер и всю дорогу нудил: куда мы идем? Да что же это такое? Как можно? Такого ведь никогда не было? Что будет с нами? И т.д. И приводил десятки бытовых фактов, которым был свидетелем сам или его знакомые…

С чем же теперь Брежнев войдет в историю? Единственный его актив был «мир, разрядка». Но Афганистаном он и это порушил.

Читаю опять «Войну и мир». Фантастически грандиозно! С нынешней своей «высоты» видишь любую фразу, гениальность буквально сочится из каждого оборота и каждой фигуры и «штуки», как он сам выражается. И успокаивает это величие прошлого.

5 февраля 80 г.

Афганистан, как язва разъедает общественное сознание и международную жизнь. Ползут слухи, что в Ташкенте госпитали забиты нашими ранеными ребятами, что каждый день прибывают самолеты с упакованными гробами, что в разных наших ведомствах, посылающих туда специалистов, то и дело портреты в траурных рамках. Т.е. народ реально почувствовал на себе следы политики. За что? Для чего? Кому? Б.Н. как-то проговорился Карэну: мы, мол, не можем допустить второго Садата у себя под боком. Ну и что? Из-за этого пусть гибнут наши ребята, пусть позор на нашу голову во всем мире, пусть ненависть антисоветизма губит остатки социалистического идеала, пусть рушится даже видимость уважения к народным интересам?!

Б.Н., который суетился больше всех, чтоб оправдать в глазах международной общественности афганскую акцию, понимает, что сделана глупость. Может быть, в душе считает это преступлением. В пятницу перед отъездом к избирателям в Саратов, говорит:

«Это, мол, все ладно (о текущих и важных делах). Главное – как распутывать афганский узел. Может быть, так?» Берет со стола листок, написано самим. Читает: «Соединенные Штаты обязуются не вмешиваться в дела Афганистана. Советский Союз выводит войска»… Спрашивает: «Согласятся?» Отвечаю: «С радостью. Но вот согласятся ли у нас»…

Он: «В том-то и дело!»

Поразительно – все более или менее разумные и порядочные люди видят, что сделана невероятная глупость… Со всех точек зрения. Но кто сделал?

«Monde» пишет: в Москве, мол, начинают искать виновника – кто придумал? Кто инициатор?

Не знаю, что значит «искать». Вслух этого еще никто нигде не сказал. А в аппарате и в Москве (не в смысле – в ПБ, в Кремле, а в народе) действительно гадают на этот счет. И я гадаю. Конечно, повторяю себе: сыграли на маразматическом возмущении Брежнева Амином – посмел ослушаться, да еще убил «нашего лучшего друга»… Но кто сыграл? Вроде – не Громыко, не похоже, чтоб и Устинов. Явно – не Суслов. Остается одно – ГБ. Значит, опять, как однажды уже было: там формируется политика.

А между тем, льется предвыборный елей и пошлейшее прославление главного маразматика. В каждой речи славословия в адрес верного ленинца и проч., и проч. занимают большой кусок, а по теле-радио только одно и цитируется. Каждый день он кого-нибудь приветствует или поздравляет с успехами, или с началом работ (хотя сам, наверно, своих приветствий даже не читает в газетах. Но еженедельно Секретариат утверждает их пачками).

В субботу был у знаменитого глазника Славы Федорова в поселке «Летчиков испытателей», под Икшей. Имение, жена – красавица, сказочно русская еда, кони, летнее помещение, погреба с соленьями и мастерской, и проч. Значительный человек вне политики. Колоссальная энергия и талант. Подарил мне лыжи.

Готовим «шестерку» секретарей ЦК соцстран. У них там бунт на коленях по поводу Афганистана. Венгерское ПБ – большинство было против свертывания связей с США и ФРГ, несмотря на наше требование. И только авторитет Кадара предотвратил скандал. Немецкое ПБ во главе с Хонеккером, несмотря на яростное давление Абрасимова, отказалось подчиниться до конца и лишь отложило встречу Хонеккер-Шмидт, но не отменило вовсе, как того требовали мы. Посылка: с нами не посоветовались, когда затевали Афганистан, а теперь хотите, чтоб мы жертвовали ради вашей глупости и «высших», никому не понятных интересов своими реальными интересами, порывая связи с Западом, с которым, например, у Венгрии связано 60 % экономики (через экспорт-импорт)…

Завтра приезжает Денеш (Секретарь ЦК ВСРП)), «шестерка» скорее всего – числа 22-го.

9 февраля 80 г.

Морально очень тяжело. Все вокруг, если не спрашивают прямо, то немым взглядом требуют: «Кто это придумал? (Афганистан). Зачем? Кто должен отвечать за это перед народом и перед всем миром?» На Западе утихают страхи: это все-таки, как теперь всем ясно, не начало ядерной войны и, может быть, даже не «ремилитаризация Рейнской зоны». Однако, антисоветская компания поддерживается на не слабеющем уровне. Оправдывать нас «морально» не осмеливаются даже наши лучшие друзья, которые публично политически поддержали (или не возражали) против афганской акции. Если провести сейчас всемирный референдум, наверно, никогда наш престиж не был на такой низкой отметке, - за все 62 года.

Скорее всего, Генеральный даже не знает, что происходит вокруг нас. Сводки из Афганистана ему препарируют так, что там «сплошная нормализация». А с Запада, - информация, наверно, «на уровне «Правды», так как у него давно «щадящий режим». Так что он и не осознает, что наделал… Впрочем, дело тут не только в отсутствии и

укорачивании информации, а и в самой физиологической способности надлежащим образом понимать происходящее.

Тут прибегает Собакин (консультант нашего отдела): мне, - говорит, - звонит Кобыш (это консультант из Отдела Замятина). Что, - говорит, - вы делаете! Я второй день сижу на телефоне, обзваниваю все газеты и проч., чтоб не употребляли термин «доктрина Картера». А у Пономарева в избирательной речи целые абзацы посвящены ей… Мне, - говорит, - резонно отвечают: кто, мол, больше знает – ты, Кобыш, или Секретарь ЦК?! Дело, оказывается, в том, что Генеральный в каком-то разговоре бросил: «Какая еще доктрина? Какая может быть доктрина у швали?!»

Приезжали венгры (Денеш, милейший человек). Кадар попросил срочной консультации. Мы потребовали от них отменить визит МИД в Бонн и парламентскую делегацию в США. Причем на их ПБ большинство высказалось против нашего требования. Но Кадар… , словом, понятно. Однако, взамен венгры попросили отменить намечавшиеся у них маневры Варшавского договора, особенно в связи с шумихой в Югославии по поводу того, что уход Тито (ему недавно отняли ногу) может провести к повторению Афганистана в Югославии. Об этом кричали пару недель все mass media и даже были правительственные заявления (Англии, США и т.д.) в поддержку СФРЮ. До такой степени дошло: мол, от русских теперь всего можно ожидать!

Ну так вот… Кадар убедительно просил «рассмотреть». Мы уважили (сами бы не догадались). Теперь Чаушеску просит отменить маневры в Болгарии (по тем же причинам – чтоб «не нагнетать»), об этом он сказал Громыке во время недавнего визита. Может быть, и здесь отменили, но опять же не по своей догадке!

Словом, маразм всей структуры, механизма верхотуры власти, в связи с маразмом самой ее верхушки и почти 75-летним средним возрастом всех остальных элементов верхотуры – становится опасным уже для существования государства, а не только для его престижа. А выхода нет никакого. Кстати, читаю сейчас нашумевшую год-полтора назад работу нашего сбежавшего философа Зиновьева «Светлое будущее» (или «Зияющие вершины»), изданную за рубежом. Безумно талантливая и чудовищно антисоветская. По концепции (безнадежности) напоминает Рудольфа Баро «Альтернатива». Но тот по-немецки серьезен, а этот по-русски бескомпромиссен и зло весел. Мне даже в голову пришла кощунственная аналогия: если Баро (для социализма) похож на Маркса, то Зиновьев на Ленина (в смысле характера, манеры и эмоциональности вскрытия сути и разоблачения соответствующего общественного строя).

По спирали отскочил я от визита Денеша. Пономарев и Русаков вели с ним беседу. Я был статистом. Б.Н. в обычном своем стиле произносил пропагандистские речи насчет того, что империализм виновен в обострении напряженности. И это несмотря на то, что до него Денеш сам это говорил не хуже. Потом пошли «музыкальные моменты»: например, если Денеш говорил, что, мол, подумываем, не стоит ли отменить запланированный на лето визит премьера в Бонн и Жискара в Будапешт, Б.Н. «подхватывал» в том смысле, что, мол, целиком с вами согласны (!) – надо воздержаться.

Русаков (убогая, кстати, личность, мелкий, нервный, озабоченный только тем, как бы ему не влепили за что-нибудь сверху) произнес речь. Он сказал, что в сложившейся ситуации особенно необходима экономическая интеграция, потому что все эти сделки с Западом, совместные предприятия, кредиты, технология – фактически увеличивает зависимость, валютную задолженность и т.п. А это вопрос политический. Нам надо опираться на наши общие ресурсы и т.д. Т.е. про то же, про что Брежнев два года уже говорит своим собеседникам в Крыму. Но воз и ныне там же, потому что мы сами не способны ничего предложить взамен сделок с Западом. И немцы, и венгры, и чехи не раз нам говорили, что приветствуют самую тесную интеграцию с нами, для них самих кредиты под западную технологию и импорт – хомут. Но – «давайте, советские товарищи! Давайте

конкретно!» Если же вы ничего не предлагаете взамен, мы не можем отказаться от связей с Западом. Мы не можем идти на еще большее сокращение жизненного уровня и т.д.

Когда Шишлин (консультант в отделе Русакова) мне за день до того принес шпаргалку, по которой потом и говорил Русаков, я ему выдал: мол, это бесстыдство и фарисейство делать втык венграм за то, в чем мы сами виноваты. Однако, это было произнесено. Денеш реагировал так: конечно, конечно. В том, в чем все мы можем обеспечить себя за счет интеграции, надо делать, и делать быстрее. А в чем не можем, мол, извините, мы вынуждены идти на Запад. Дело, мол, за вами, советскими (это подразумевалось).

12 февраля 80 г.

Был сегодня на Секретариате ЦК. Опять, как всегда, главным образом приветствия Брежнева кому-нибудь или награждения, награждения, бесконечные награждения. Шутовствующий Лапин, который сидит всегда рядом или сзади, почти вслух комментирует: вот, мол, поговорили на Пленуме о критике и самокритике, о дисциплине, требовательности и т.д., и опять ордена пачками, награды, да приветствия.

Сидящие за главным столом Секретари ЦК «заспорили», соглашаться или нет с предложением о награждении какой-то электростанции за ввод в строй очередного агрегата… Лапин: чего там, надо за каждую лопасть приветствие Брежнева и ордена. Все вокруг смеются… И невольно опять и опять наталкиваешься на «анализы» Зиновьева.

Кстати, дважды фигурял вопрос Комитета по делам религии: Куроедов просил новые штаты. Из обсуждения выяснилось, что в СССР сейчас всего 6500 попов, 900 католических и 300 мулл (плюс 2000 нелегальных). Но зато: каждого второго покойника хоронят в церкви и каждый пятый новорожденный крестится.

Нагрузки на службе невероятные (Загладин в больнице, Шапошников в отпуску, Ульяновский хоть и есть, но его нет). И помимо десятков разных подписываемых бумажек, только сегодня: письмо Шмидту об Олимпиаде; письмо-ответ Миттерану; письмо-ответ Марше, который возражает против наших контактов с социал-демократами; оценка текста к Ленинскому докладу Б.Н., который сочинили в Серебряном бору под руководством Лукича - 50 страниц пропагандистского трепа; подготовка к «шестерке», которая назначена на 26-ое.

И более сотни шифровок со всех концов света, по каждой из пяти, по крайней мере, надо что-то кому-то поручить, о чем-то спросить, с кем-то посовещаться, доложить Б.Н. и проч. ТАСС уже могу читать только укороченный («секретарский»).

29 февраля 80 г.

Две недели опять не писал. Возвращаюсь домой поздно, уставший до предела и ничего не хочется. В одну из суббот заехал все-таки к Арбатову в Барвиху. Он, наконец, оправился от инфаркта. Редкий он человек. В нем так переплелось русское и еврейское, что слабости его кажутся недостатками, а достоинства делают его действительно крупной личностью… Его повествование о мудром примирении с возможностью смерти.

Походили часа полтора по парку в темноте, то и дело останавливаясь и удивляясь содеянному нашим высшим начальством. Опять же - кардинально и тут вопрос: Кто затеял? Он склонен считать, что Громыко с примесью военных типа «наполеончика», Огаркова, но не Устинова, который, мол, по менталитé совсем не военный и уж не милитарист во всяком случае. Всячески выгораживает Ю.В. (Андропова). Говорит даже, будто тот был «решительно против» и даже заявил, что лучше пойти на то, чтобы «потерять Афганистан». Сомнительно. Если бы так, Генеральный не решился бы, несмотря на все свои эмоции к Амину. К тому же, нам-то известно, чьи люди привезли Кармаля из Чехословакии, кто его туда доставил и кто «сделал» переворот. Не говоря уже о том, что они же «организовали»

соответственную информацию в Москву, систематически обкладывая аргументами: мол, иного выхода нет. В то время, как военные держались Амина, который-де поправил дела в армии и вообще «сильный человек», способный справиться с ситуацией.

Не используют ли Юрку, как и Бовина, в качестве распространителей угодных на будущее слухов?

Перебрал Юрка и возможных кандидатов на первое место. Косыгин перенес тяжелейший инфаркт и вообще не уходит только потому, чтоб не выглядеть дезертиром («прецедент»). Тихонов – дерьмо и как человек и как профессионал и заваливает дело еще больше, чем Косыгин. Устинов был бы на время неплохим премьером, однако его пустили по другой части. Романова не подпустят, да и подгадил он себе сильно свадьбой дочери в Таврическом с битьем посуды из собраний Эрмитажа… После чего Суслов ему «делал внушение». С Черненко будет кончено на другой день после ухода «Самого»: так всегда и всюду бывает с любимчиками… Хотя он и не плохой мужик сам по себе. Суслов не хочет и не может, хотя в сложившейся ситуации играет «позитивную роль», не давая распасться верху вовсе… Кириленко отпал – и потому, что предложил однажды «помочь Самому» отдохнуть от дел, и потому, что они с М.А. терпеть друг друга не могут. И вообще средний возраст ПБ – далеко за 70, а меньше 60-ти только одному Романову.

Остается Ю.В. Но а) – больной, б) – из «этого учреждения». Опасен Щелоков, не сам по себе, а потому, что в Москве именно у него в руках главная вооруженная сила: две дивизии НКВД и милиция. Гарнизона же в Москве нет – только академии и училища, которые не вооружены. Я выразил сомнение: неужели мы еще не выросли из того возраста, когда судьба страны может зависеть от двух дивизий?.. Юрка смеялся свои матерно-саркастическим смехом.

Генеральный никогда-то не блистал интеллектом, хотя и был хорошим доброжелательным человеком. Теперь же это полный маразматик. Я, - говорит, - все время сопоставляю его с моей теткой. У нее – все те же признаки, внешние и внутренние (появление недоброжелательности, отчуждения, вражды даже к тем, к кому была раньше привязана, замкнутость взамен природной общительности, неприязнь к бывшим друзьям)… В «Медицинской энциклопедии» точно описаны все очевидные симптомы и называется это «старческий психоз». (По телевидению он действительно ужасен, а его все показывают и показывают и сводят с иностранцами, которым он по складам зачитывает Андрюхину политическую словесность (т.е. подготовленное помощником Андреем Михайловичем Александровым-Агентовым).

Какая трагедия для страны, для всех нас?! До чего мы дойдем! Черт знает что!

1 марта 80 г.

Загладин, который тоже провел в Барвихе недели две и пообщался там с разными чиновными людьми, говорит: «Мне один «подсчитал», знающий, из этой сферы… Американцы, мол, лишили нас 10 млн. тонн зерна. Но именно столько пропало у нас во время перевозок урожая с места на место. И еще 10 млн. тонн «запланировано» на гниение и расхищение».

26-го провели «шестерку», Секретари ЦК из Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и Чехословакии. Тайную и без румын, чтоб «сверить часы» в сложившейся обстановке. Б.Н.'у подготовили мы текст примерно на час и десять минут. Там все – и анализ причин, и линия Картера, и квази-доверительная информация об Афганистане (с тщательным сокрытием, что наши войска участвуют в подавлении мятежей и в борьбе с «партизанами»), и что делать со Шмидтом, и как с американцами быть, и какую политику вести в отношении «неприсоединившихся», и, конечно, насчет идеи Марше провести конференцию европейских компартий.

Все, конечно, согласны во имя пролетарского интернационализма и единства. Но деликатно намекали, что свернуть отношения с Западом не могут.

Интеграция, к которой Б.Н. призывал под давлением Русакова, - пожалуйста. Только давайте замените технологически Запад, замените, как поставщика жизненных товаров и рынок того, что некуда девать, - мы, мол, готовы. А пока «извините». Сказано это было, конечно, очень туманно и больше между строк. Но…

А Верблян (новый член ПБ ПОРП) потом, с глазу на глаз с Пономаревым, говорил все это открытым текстом. И поэтому-де «свернем» мелочи в отношениях с Западом, а главное, будем проводить запланированное ранее (визиты на правительственном уровне с ФРГ, Францией, США, выставки, торговый и проч. обмен, кредиты, закупки зерна).

Афганистан им, конечно, совсем ни к чему. Как, впрочем, и советским людям. В народе поносят эту никому не понятную интернационалистическую акцию на фоне, фигурально выражаясь, того, что «жрать нечего»… Даже из таких городов, как Горький: «десантники» на экскурсионных автобусах продолжают осаждать Москву. В субботу к продовольственным магазинам не подступится. Тащат огромными сумками все, что попало – от масла до апельсинов. И грех даже плохо подумать об этом. Чем они хуже нас, эти люди из Торжка или Калуги. Скорее даже лучше, так как они, наверно, все-таки что-то создают, а не бумагу переводят.

По Москве ходят политические анекдоты. Один их них: выходят двое с лекции о международном положении. Один другого спрашивает: ну, как ты понял нашу политику сейчас. – Я так понял: нам надо обменять Сахарова на персидского шаха, шаха на заложников, а заложников на американскую пшеницу.

И еще: ситуация, я думаю, такова – какому-то шаху ампутировали ногу (намек на Тито), отправили, кажется, в Горький, но он вроде бы, все равно в Олимпиаде будет участвовать.

Так народ, во всяком случае, московская интеллигенция относится к нашей большой политике,… во что он всю ее ставит …

Впрочем, в этой самой ситуации, Суслов ушел в отпуск, Громыко ушел в отпуск, Андропов давно в отпуску. Брежнев сейчас тоже отдыхает после избирательной речи и встречи с Хаммером. Вот и вся политика.

А бывая на Секретариате, умиляешься все больше: 80 % времени и 90 % вопросов, которые там «обсуждаются» – это приветствия Брежнева разным коллективам за перевыполнение и награждается орденами и званиями. Если бы какой-нибудь американский шпион проник бы туда, он бы, наверно, оказался в большом затруднении – что докладывать в Центр: ни кремленологи и его шефы не поверили бы ему, решили бы, что он их разыгрывает или сошел с ума.

Кстати, я теперь в мыслях то и дело проецируюсь на «Светлое будущее» Зиновьева. В конце у него есть глава «Гимн Москве» – великому городу, центру современного мироздания, где всё есть, где процветает коррупция и крупное воровство, где можно посмотреть любой фильм, прочитать любую книгу, где есть высоколобые салоны и грязные бардаки, где есть еда, о которой в обычных домах («у тех, кто не умеет») даже название забыли, где есть роскошные женщины на любой вкус…

Город, которому все нипочем, все выдержит, все сумеет. И пройдет ледоколом через все, и который поразительно смеется на вождями.

Умилительно, что автор под конец разнюнился насчет того, что он за коммунизм.

<u>3 марта 80 г.</u>

В газетах список с избранными депутатами в Верховный Совет РСФСР. Леонид-то Ильич своего сынка тоже депутатом сделал и, чтоб недалеко ездить – в каком-то

Ленинградском округе. Сначала его первым замом минвнешторга определил, потом орден ему сам вручил. А теперь вот – депутат… Я содрогнулся.

Если человек бесстыдно, перед лицом всего народа, даже вызывающе (особенно награждение) может такое делать, значит, от него всего можно ожидать. Кроме, конечно, того, что представляет личную опасность.

Карэн Брутенц был в какой-то компании нуворишей. Среди них заместитель министра финансов СССР. Оказалось, что он знает даже об Афганистане больше, чем сам Карэн, который «ведет» эту тему в Международном отделе ЦК. Он, например, знает, что организовали и вели стрельбу по Амину, когда он в начале сентября был вызван (по настоянию и личному телефонному звонку) во дворец Тараки, - не афганцы, а наша охрана!

Но не в этом главное. В подпитии этот зам. министра рассказал много любопытных вещей по своему ведомству. Например, недавно оно получило распоряжение (вопреки всем правилам – советоваться с минфином – откуда можно взять деньги) выделить еще 23 млрд. рублей на содержание вооруженных сил. Видимо, с этим связано заявление в избирательной речи Брежнева – о дополнительных льготах ветеранам войны. Однако, основная причина: раз армия стреляет, раз пришлось в приграничных округах Юга провести мобилизацию, раз есть уже вдовы и сироты из-за Афганистана, - надо заткнуть глотку, умаслить, предотвратить И вот – 23 млрд. из бюджета.

А между тем: Госплан определил добычу нефти к 1984 году до 650 млн. тонн. Но нефтяники считают, что сумеют поднять только до 625,5 млн. тонн, значит, валютный экспорт практически придется прекратить. Потому, что кроме нефти у нас есть драгоценные металлы, но их за последние 10 лет «вычерпали».

Меры Картера оказались очень чувствительны. Обкомам запрещено «допустить» убой скота. Но мяса от этого не прибавится: будут сдавать полудохлый истощенный скот… Нормы доведены до смешного: на 1981 год Ростову-на-Дону планируется мяса на душу населения… 2 кг. в год.

Положение хуже, чем во время войны, так как тогда приходилось снабжать только города, а теперь – и деревню. Отовсюду идут требования и просьбы ввести карточки, но этого невозможно сделать не только по соображениям политическим, но и потому, что на это не хватит продуктов: ведь придется давать ограниченно, но всем, а не выборочно – Москве.

Фантастические размеры приобрело тезаврирование. Кольца с камнями стоимостью в 15 тыс. рублей идут нарасхват. Доверия к деньгам – никакого. Так же, как и к государству: боятся денежной реформы. Хватают все, что идет в качестве предметов роскоши. Вошло в моду покупать картины. На этом процветают сотни художников, которые десятилетиями влачили жалкое существование. А теперь малюют что попало и все сразу же раскупается.

Большие потери (14 млрд. рублей) государство понесло на водке. Из-за неурожая и прекращения американских поставок пшеницы, решено было сократить производство водки. И вот – результаты. А новогоднее увеличение цен дало всего 2 млрд. рублей.

Постановление о совершенствовании экономического механизма, конечно, очень хорошее. Но наша экономика к нему не готова и еще лет пять не будет готова.

И, возвращаясь к мерам Картера (т.е. последствиям Афганистана), - не знаю, что будут делать некоторые отрасли, например, Кастандов (химическое машиностроение), который все спланировал из расчета на получение американской технологии, машин и аппаратов. Все у них остановится. Потому, что то, на что они сориентировались, заложив уже в стройки и в планы снабжения народного хозяйства в целом, ничего этого у нас не производится и не имелось в виду производить, не говоря уже о нашей способности обеспечить нужное качество.

На этом фоне просто тошнотворно общение с Б.Н. по поводу предстоящего 22 апреля доклада о Ленине и нынешние его разглагольствования о динамизме, о преимуществах и достижениях… Пока не представляю, как мы будем выкручиваться, чтоб

создать для него нечто элементарно правдоподобное. Хотя, впрочем, кому сейчас до этого дело!

Сейчас главное другое… Брежнева вот сегодня опять показывали – как ему вручали удостоверение об избрании депутатом… А месяц назад – как вручали удостоверение кандидата в депутаты…

По радио – Гендель. Почему-то так волнует – именно теперь, когда я в тысячу раз дальше от музыки, чем в юности, когда учился сам играть!

8 марта 80 г.

Пошлая речь Б.Н.'а – поздравление женщин нашего Отдела. Весь он в ней – окаменелый (обюрокраченный) продукт большевистского идеализма давно прошедших времен.

Редколлегия «Вопросов истории». Сколько глупости в остепененных людях! Обсуждалась статья к предстоящему Всемирному конгрессу историков (летом в Бухаресте).

«Встреча двух цивилизаций» - о культуре Древней Руси. Так затеяли бодягу: уж больно густо, мол, получается – что ни памятник культуры, то византийское, восточное или западное влияние, а где же русское-то?! И это ученые – историки! Заботу о патриотизме проявляют. Поистине по Зиновьеву выходит: идеология оборачивается идеологическим цинизмом, а официальная нравственность – безнравственностью. Эти люди даже не знают, что они сами думают о предмете, о котором говорят.

Я выступил (не сдержался) нахально: мол, не беспокойтесь за русское достояние. Наоборот, предметом нашей гордости должно быть, что такие мощные и такие разнохарактерные влияния переварились в русском котле и стали символами неповторимой «нашей» цивилизации.

Почитал телеграммы наших маршалов и генералов из Кабула. Вполне здраво судят они о ситуации. А подтекст такой: мол, заварили кашу, а нам, армии, приходится расхлебывать, заниматься совсем неприличным делом, не достойным великой армии великой страны. Рецепты, которые они дают, явно дежурные и явно не эффективные. И в то же время по линии ГБ идут депеши в духе – «гром победы»…

Позавчера принесли мне на подпись список представляемых к орденам за Афганистан (по аппарату ЦК). Список возглавляет Ульяновский! Принес сначала референт, а потом зав. сектором из сферы Ульяновского. Я разразился ругательствами и «отправил». Вот она безнравственность-то, которую все воспринимают, как самую настоящую общественную мораль. И дело не только в предмете, за который награждают, а дело в том, что во главу поставили циничного бездельника и прохвоста, который умудрился даже и в этом деле, которое целиком по его части, все свалить на других.

Статья Ричарда Косолапова в «Правде» «Жизненная позиция Ленина»… Сильная статья, честного и порядочного человека, обеспокоенного распадом нравственных начал общества и государства, начало которым положил Ленин. Отчаянный призыв использовать моральный потенциал оставленный Лениным и заложенный в ленинизме. Плохо, мол, мы его используем. И о «взятке» по Ленину пишет… спустя 60 лет. Ленин-то писал о взятке при начале НЭП'а. Косолапов считает, что из трех пороков, о которых предупреждал с болью В.И. (комчванство, неграмотность и взятка), мы полностью избавились лишь от второго. Увы! (Я понимаю Ричарда) У нас неграмотность сейчас худшая, чем тогда. Не буквальная, но еще более опасная: когда мы клянемся ленинизмом, а даже не знаем его и знать не хотим. Кто из наших вождей всерьез изучал когда-нибудь Ленина? Кто из них обращается к нему в своей политической практике? Кто его всерьез читает? Или – хотя бы то, что наши ученые разрабатывают «на основе ленинизма»? А уж о следовании Ленину в морально-бытовом и морально-политическом плане и слышать не хотят! Если кто с такой претензией к ним обратится, - сразу в антисоветчики угодит.

13 марта 80 г.

Наша консультантская группа распалась теперь и физически. У четырех вывихнуты или сломаны ноги. У одного – инфаркт, у другого – флюс, у третьего – грипп… Сам Жилин в этой компании.

Сказал о ситуации Б.Н.'у: он изволит шутить, - мол, надо бы распустить группу и набрать других, помоложе. Брутенц приходил бушевать по поводу консультантской группы. Пойдем, - говорит, - к Пономареву. Я готов сам (!) все ему высказать. Нельзя же на одних ездить, а другие сачкуют. Я ему: он нас спросит – что вы предлагаете?! Что ты готов предложить. Люди устали и им плевать. А рефлекса (службизма и долга), как у нас с тобой, у них не выработано. Не было вовсе. Плюс нежелание больше учиться, быть на уровне «имеющейся» в Отделе информации, плюс просто бездарность, и т.д. Да и для чего?

Он: мы с тобой на Пономарева похожи в этом смысле.

Я: нет. Я – во всяком случае. Я выполняю свой долг, стараясь сделать предельно хорошо то, что мне поручено, независимо от того, согласен я с сутью самого дела или нет. Б.Н. же, во-первых, подстраивается к «чужому» мнению и действует так, будто он его сам и придумал, а главное – выпендривается со своими инициативами, где его не просят и даже раздражаются его неуместной активностью.

Он: есть у него тут и карьерные соображения, но ты прав – иногда он активничает во вред себе. Есть иррационально тщеславие – от участия в большой политике. Есть и автоматизм службизма: раз те, кому положено, ничего не делают, надо же, чтобы кто-нибудь делал. Вот он и названивает в Кабул, Ташкент, выжимает из нас всякие бумаги…А между тем, по Москве его больше всего начинают связывать с афганским делом. На х.. это ему нужно!

Марше вновь загорелся проведением конференции компартий. Даже дату определил: 28 апреля, полтора дня. Начались челноки между Варшавой и Парижем. Сегодня утром советник польского посольства принес мне проект обращения имеющей быть конференции к мужчинам и женщинам Европы. Пацифистский документ: чтоб без дискуссии, чтоб отметиться. И чтоб Жора выглядел, как человек, который все может, даже то, чего не может Москва.

С Собакиным и Зуевым повесили к проекту «сопли» - наши замечания в духе Пономарева: чтоб НАТО, США упомянуть, чтоб истерию военную осудить, чтоб не забыть всякие наши бывшие инициативы. Б.Н. одобрил. Не нравится ему эта постная бумажка, но «навязывать» антиимпериалистическую боевитость боится – как бы не спугнуть. Он ведь понимает, что главное не очередная бумажка, которую даже не напечатают многие, а сам факт созыва конференции компартий в такой момент. Да и в Париж хочется поехать, пофигурять там. Уже совсем поздно сочинил телеграмму Загладину в Париж – директиву для обработки французов в духе наших поправок. Завтра ко мне придет поляк. Я ему тоже все это передам. В субботу и поляки направятся к Жоре, а потом – в Рим уговаривать Берлингуэра, который, впрочем, совсем обанкротился со своей «мягкой стратегией»

20 марта 80 г.

На службе продолжается «лениниана». Причем, с прошлой субботы дело пошло вниз – на банализацию текста. Когда он (Б.Н.) увидел, что получается из его попыток читать мораль и вверх и вниз, апеллируя к «нравственному потенциалу ленинизма», он начал отруливать в сторону нужняка. Обычный процесс при создании его сочинений.

Нервов уходит много. А по поводу его обычной манеры играть сразу на нескольких роялях (в данном случае – Пышков был сделан арбитром нашего текста, поскольку он участвовал в сочинении сусловских статей для «Коммуниста» и ПМС), я на этот раз ему

закатил сцену. Так, мол, не делают Он (Пышков) мой подчиненный и к тому же уважает меня, и отнюдь не считает, в отличие от вас, что я пишу хуже его. И поэтому сразу после того, как вы в тайне от меня дали ему задание, первое, что он сделал – пришел ко мне. В результате и он в глупом положении, и у меня всякий энтузиазм пропал дальше работать «над вашим докладом». Оправдывался… А вообще и то, и другое глупо и мелко: и с его стороны, и с моей стороны. Едем в одной вонючей телеге, где все дозволено, и нечего чистоплюйством заниматься.

В середине месяца была делегация Ямайки во главе с тем самым генсеком Данкеном, которым я восхитился, будучи там. Здесь он произвел жалкое и неприятное впечатление. Он приехал просить. Не дадим, - они, Мэнли, правительство КНП, прогрессивный режим, будут сброшены на ближайших парламентских выборах. Лидер враждебной им партии (лейбористов) съездил в США и, вернувшись, по TV сказал, что привез 50 тыс. долларов для проведения избирательной кампании. Данкен, очевидно, хотел с тем же вернуться из СССР.

Однако от наших МВТ и ГКЭС ничего за так не получишь. А по партийной линии (он после переговоров попросился остаться со мной с глазу на глаз и «изложил» - 1 млн. американских долларов и восемь автомобилей, иначе – провал) – мне неожиданно для самого себя (при весьма плевом отношении Б.Н. к какой-то Ямайке) удалось выклянчить 40 тыс. долларов и, кажется, удастся добиться 5 автомобилей «Лада».

Но это уже после их отъезда. До – я, естественно, ничего определенного им сказать не мог. И уезжали они весьма разочарованные и мрачные. Меня неприятно поразило отсутствие элементарной нравственной и даже формально-дипломатической культуры у этих негров-мулатов с дипломами английских и канадских университетов. Они не скрывали своего пренебрежения к нам, к СССР, к тем, кто с ними возился, после того, как поняли, что им на тарелочке не вынесут всего, что они просят.

Они впервые в СССР. Но их ничего не заинтересовало в Москве, хотя они ничего о нас не знают. Им не захотелось ни посмотреть Москвы, ни даже спросить нас о нашей жизни, о наших делах и заботах.

Я сначала переживал и даже сожалел, что они едут: знал, что мы им почти ничего не дадим. Но потом, увидев, как они на нас реагируют (как на большую дойную корову, а на остальное – плевать), воспылал презрением ко всей этой Ямайке вместе взятой.

И еще раз убедился в своей правоте – в спорах, давних с Карэном. Лучшая политика в отношении внешнего, в том числе «третьего мира» - изоляционизм. Послать всех крупно на х.. и пусть потом умоляют нас с ними общаться. Но и не лезть в их дела.

Афганистан. С каждым днем мы вбухиваем в это «дело» огромные суммы и материальные средства. Всем их снабжаем и всем обеспечиваем. Приезжал их министр иностранных дел. Прямо заявил, что казна пуста и госбюджета хватит лишь на содержание двух министерств. Остальное – давайте. И даем: трактора, машины, хлеб, радиостанции, бумагу, деньги, не говоря уже о содержании своих войск там и, кажется, афганских тоже. Признаков укрепления режима практически никаких нет. Беспросветно в смысле создания хотя бы мало-мальски жизнеспособной политической структуры. Уйдут наши войска - и Кармаля через пару дней не будет. В общем, влипли фундаментально.

С кем ни поговоришь – даже не возмущаются, а удивляются: мол, сколько все это может продолжаться? Т.е. весь этот брежневский режим. Опять пошли злые политические анекдоты.

Вчера был в гостях друг Толя Куценков. Выпили. Отвели душу. Меня удивила новая в нем черта: российская почвенность, горечь за русский народ, который страдает от интернационализма и, которым помыкают разные «чучмеки». Рассказывает о мнениях разных людей (он много ездит). Общий «глас народный» - «Надоел!» (имеется в виду Брежнев). А выхода никто не видит и не предлагает.

Стал читать Ленина. И вновь – под обаянием его убежденности, страстности, которые превращали его ум в могучий аппарат. И вновь – во власти рационалистической

классовости его логики. Ее можно опровергать сегодняшними событиями, но и то, если их хватать наугад и поверхностно. Но она неопровержима как орудие тогдашней истории.

Передо мной одновременно мифы иррациональной народности. Читаю «Лунина» Эйдельмана – еврея, без которого мы, русские историки, не знали бы ее так глубоко и «непосредственно». Говорил с Куценковым, который отражает почвенные метания думающей и совестливой московской интеллигенции. В последней «Литературке» интервью с Распутиным (писатель), который, оказывается, увлекается «Историей государства российского» Карамзина и «Историей России» Соловьева, считая их шедеврами самопознания нации. И, кстати, заявил: верю, что и через 100 лет русские останутся русскими, татары татарами, французы французами, несмотря на все успехи интернационализма. И по неслучайному совпадению в качестве святынь назвал для русских «Куликово поле» и «Бородино» (против татар и французов).

Значит, вот опять мы раскалываемся на западников (Ленин) и славянофилов. Или и в том, и в другом ищем еще более глубокого смысла. Но почвенность – это не идея. Идея же Ленина опошлена последующим развитием и ежедневно превращается в насмешку под действием брежневизма.

Кстати, о почвенности. Пришел том Лермонтова. Стал листать. И вновь поразился гениальности… Пятнадцатилетний мальчишка пишет «Жалобу турка», в которой в двух строфах передает всю суть России на века вперед. В двадцать три года он создает «Бородино», которое затаскано школьными представлениями, но которое содержит в себе всю философию и русский дух «Войны и мира». А рядом непостижимое и по форме, и по содержанию, - «Смерть поэта». В двадцать шесть он пишет неповторимое произведение «Герой нашего времени», которое становится фактически началом новой эпохи в развитии всемирной прозы.

И я подумал: Лермонтов, Пушкин… Они более, чем на три века появились позже, чем Монтень, которого я сейчас читаю с изумлением, потому что там вся вечная и неизменная мудрость жизни, несмотря на все бурные катаклизмы истории. Так вот: когда у нас были Курбский, Пересветов, да сам Иван Грозный, которые, оказывается, писали тексты, как теперь наши «консультанты», у них уже были Монтень, Паскаль, Бэкон, Шекспир, Эразм, Т. Мор и проч. Дистанция просто неизмеримая. Мы их начали догонять при Екатерине II. А к середине XIX века мы их – если по гамбургскому счету – уже обошли «в данном смысле». Наша поэзия… великие имена. И Пушкин уже выше Байрона. Толстой – Бальзака. Даже сопоставлять кощунственно. Герцен объял и превзошел всю до тех пор существующую философию и политическую науку. И во многих отношениях, благодаря российскому здравому смыслу и реализму, он выше Маркса. И если уж идти до конца…, если бы не было Ленина, то Маркса сейчас знали бы лишь студенты-отличники, он затерялся бы среди сотен авторов разных теорий.

Но я не про то. Россия догнала Запад за несколько десятилетий. (Потом, после 1917 года пришлось догонять в материальном отношении – индустриальном, тоже за пару десятилетий). Мы оказались в состоянии не только понимать всю их культуру, но и превзошли ее. Как по Блоку: «Нам внятно все – и острый галльский смысл…
И сумрачный германский гений»

Они же не поняли нас. Пушкина, Лермонтова они до сих пор не могут как следует перевести, потому что не могут понять всего, превосходящего их собственное величие.

Они даже до сих пор не признают за нами право сопоставлять на равных. Впрочем, еще Достоевский занимался «комплексом неполноценности», который порождался непризнанием за нами этого права и, который может быть, был одним из психологических источников того, что у нас то и дело возникал соблазн силой заставить их считаться с нами, признать нас.

Даже на моем узком участке – служебном. Общение с коммунистами Запада: насколько они мельче, поверхностнее нас – тех, кто занимается проблемами МКД. Ни по

образованности, ни по широте взглядов они не могут тягаться с любым нашим консультантом. Все их «теории» и политические потуги – лепет, ясно, видный нам, хотя мы вынуждены им подыгрывать, а не развенчивать, как это позволял себе Ленин. Но свысока держатся они. И имеют основание, так как КПСС представляют Шибаевы, Капитоновы и т.п., уровень и суть которых они давно раскусили и поняли, что именно этот уровень определяет политический и идеологический потенциал бывшей ленинской партии.

2 апреля 80 г.

Болею. Сижу дома и «испытываю на практике», что было бы , если бы я внезапно ушел на пенсию. Ужас!!!

Но мне привозят тексты – доклад о Ленине, NN-ый вариант. Не могу сказать, чтоб мне было противно вновь и вновь елозить по этому тексту. Но это естественно: продукция-то выстрадана и хочется, чтоб выглядела как надо.

Позавчера Леониду Ильичу вручили ленинскую премию по литературе за «Малую землю», «Возрождение» и «Целину». К всеобщему удивлению он сам говорил бодро, не коверкал фраз и слов, не бормотал – будто вернулся лет на пять назад. И речь приличная. Кто-то там насобачился подлаживаться к его нынешнему состоянию. Сам этот перформанс, конечно, постыдный с точки зрения абстрактной общественной морали. И потому, что эти произведения подняты на уровень Толстого и Ленина, вместе взятых. И потому, что «собрание трудящихся» Москвы состояло из той же «списочной» публики, которую приглашают на государственные приемы и проч.: все те же знакомые физиономии – министры, чины комитетов, зав. отделами ЦК и т.д. Средний возраст – лет 65.

И потому, главным образом, что выплеснута еще серия красивых и добрых слов и намерений, а на самом деле полный общественный застой и начало гниения (как перед каждым большим кризисом, который никак не может разразиться), завал в хозяйственных делах, нелепость и тупость во внешней политике (спасает идиотизм Картера и К^{o}). И полная неопределенность и утрата перспективы. Общество, все построенное, как идеологическое, оказалось и без идеологии, и без видимой цели. Но при том и без обыденного благополучия. А вся верхушка в глазах народа предстает, как стяжатели – материальные и духовные расхитители страны и уж, конечно, ленинского нравственно-идейного достояния, которое попирается нагло вот такими представлениями.

Продолжаю читать «Лунина» Эйдельмана. Книга очень подтекстная, хотя без малейшей дешевки – всяких там «аллюзий» и «реминисценций»… Иногда трудно поверить в ту кризисную эпоху перед «декабрем 1825», что люди думали и переживали очень похожее на то, чем мучается сейчас московская, в том числе партийная интеллигенция. Конечно, можно было бы отнести это «совпадение» за счет мастерства автора. Но он ведь приводит подлинные документы, их собственные письма и дневниковые записи того же Лунина, Муравьева, Тургенева.

5 апреля 80 г.

Опять приезжал Китсон – руководитель профсоюзов транспортников Великобритании, член исполкома лейбористской партии, «наш друг». Захотел повидать меня «по Афганскому вопросу». Три с половиной часа проговорили в гостинице на Плотниковом. Он привез очередные инвективы против посольства и вообще против «нас», которые не умеют «защищаться». Я приготовил все мыслимые аргументы по поводу Афганистана. Но он их не захотел слушать: меня не надо убеждать, мол, я и так все понимаю, но я «меченый», меня, как «советского агента» и «предателя» слушать не будут. А от вас слушать некого. Посольство ничего не делает, а если кто приезжает, то скорее для того, чтобы купить себе «еще одни штаны». Он уже был сильно «подогретый» нашими профсоюзниками. Поэтому

«рубил и матерился». Почти в каждой фразе присутствовал fuck. Я иронизировал, шутил, пытался вставлять заготовленные аргументы. По мере того, как проходил хмель, стало возможным добиться от него каких-то конкретных вещей и договориться:

а) мы пошлем на конгресс шотландских профсоюзов толковых ребят, которым будет организована аудитория и они смогут донести советскую точку зрения;

б) в Лондоне он постарается собрать функционеров-профсоюзников и с ними тоже эти же ребята проведут «дискуссию»;

в) я напишу личное письмо Дженни Литл (секретарь Международного комитета национального исполкома лейбористов, «хорошенькая сучка, но умеет делать дело и влюблена в тебя» – слова Китсона) и предложу неофициальную дискуссию либо в Лондоне, либо в Москве на «нашем» уровне (т.е. аппаратном).

За всем тем, что он искренне говорил (а он в самом деле к нам привязался и бескорыстно озабочен, как идут дела и в Англии, и в Европе, и в советско-западных отношениях) – и со всем этим он «доносил» до нас с места событий ужасающую ненависть, которую питают к нам там. Причем, не за Афганистан, который всем сам по себе до лампочки, - Афганистан просто еще один предлог, удачный случай, чтоб открыто продемонстрировать эту ненависть к Советскому Союзу, к Russians. Поэтому с очень горьким чувством уходил я с этой беседы.

13 апреля 80 г.

Взволновали меня три рассказа В. Кондратьева в «Знамени» № 3. Меня на этого писателя, «прорезывавшегося» вдруг к 60 годам, навел в прошлом году Левка Безыменский. Поразила сознательно упрощенная манера подавать войну в масштабе «двухкилометровой карты» (дискуссия начала 60-ых годов). А теперь вот еще три рассказа в этой же манере.

Часто задумываюсь, почему «наш» Северо-Западный фронт (и примыкавшие к нему Ржев-Волхов) дали такую большую литературу. Фронт далеко не главный, без «решающих» боев «общесоюзного» масштаба, без масс танков… Наверно, тут много причин.

1. После битвы под Москвой, когда произошло окружение Демьянска и появилась надежда нанести там немцам второе чувствительное поражение, туда были брошены части, заготовленные «для Москвы» – не кадровые, а студенческие, морская пехота, в общем с большим процентом интеллигенции и «столичности».
2. Поскольку именно там ждали большого дела после Москвы – туда же ринулись поэты, писатели, лучшие журналистские силы.
3. Но фронт «стал». И остановился почти без движения до самого 1944 года, когда началось общее контрнаступление. И все эти «силы» там застряли и, хотя их выбивало нещадно, что-то осталось
4. Своеобразие: оторванность от большого тыла бездорожьем – распутицами осенью и весной, т.е. это даже не распутица, а просто болото - лошади, помню, тонули до смерти на дорогах, полутора и двухметровые снега зимой. Отсюда: постоянный голод и все были предоставлены сами себе.
5. Отсутствие сплошного фронта: немцы в деревнях – мы в лесах и на опушках. Проникновение в глубину друг к другу, раздолье разведчикам = «романтика», психология маленьких боевых групп, патрулей, отрядов, лыжных батальонов и т.п. Внезапные соприкосновения с «мирной жизнью» – нетронутые годами войны, причем довольно богатые затерянные в лесах и болотах деревушки в несколько домов.

И многое другое…

На прошлой неделе: мои переговоры с Кжистофом Островским (зам. зав. Международного отдела ПОРП) по подготовке европейской конференции компартий в Париже. И 2идейно-политический ужин» на Плотниковом со Шредером и Дамлигом (ГКП). Крупный разговор «за жизнь» с немцами! Сам завелся и Шредера до слез довел. А вообще-то

сложно, не идейностью мы (КПСС) «держим» немецких коммунистов, а безвыходностью их положения, коль скоро они коммунисты. «Национальный вопрос» витает во всем – в малейшем пустяке разговора с ними, как и вообще нашего общения с этой партией.

4 мая 80 г.

Четвертый день праздников. Жаль, что так много не заносил сюда вовремя. С 16 по 25 апреля пробыли почти безвылазно в Серебряном бору. Я, Загладин, Арбатов, Жилин, Собакин, Ермонский и стенографистки. Готовили парижскую встречу еврокомпартий. (В основном, речь Б.Н.'а)… Заставил нас «соорудить Монбланы» инвектив против империализма и, несмотря на мат Юрки Арбатова, пустить все в алармистской тональности: мол, Европа чуть ли не на грани войны.

Загладин «в деле» участвовал очень косвенно: просматривал варианты и давал кое-какие «соображения». Ему было совсем некогда, на этот раз он показал поистине цезаревский класс: за эти несколько дней он успел съездить в Варшаву, провести беседы с румыном, который приезжал оправдываться (почему не едут в Париж), дать несколько интервью, в том числе венгерской «Непсабадшаг», написать статьи о парижской конференции для «Правды» и «Нового времени».

А я в Париж не попал. Не попал, потому что сам отказался: Б.Н. мне дважды настойчиво предлагал (ему хотелось отблагодарить меня и за Ленинский доклад, и за парижские материалы). Отказался, так как не люблю толчеи, а делать там практически нечего было… И Б.Н. отстал, решил, наверно, что это я из-за честолюбия: мол, не включили в состав делегации, а сопровождающим считаю ниже достоинства. Но... в данном случае это не так. Просто я устал ото всего на свете.

А жалко, что не записывал, потому что сам крутеж вокруг парижской конференции любопытен: тема возвращения Китая в МКД (визит в Пекин Берлигуэра и «мятеж» местных организаций ИКП), тема румын и югославов, которые всерьез верят, что мы им можем устроить Афганистан, тема голландцев и даже тех, кто поехал в Париж (Люксембург, Португалия…), отчасти и англичан. Если бы не высокомерие французов и комплекс «Жоры»: как так, я позвал и кто-то осмелился отказаться! И если бы не ФКП готовила конференцию, то на нее можно было собрать не 22, а 28 партий.

Главная же тема – по сути арбатовская.

5 мая 80 г.

Вчера умер Тито, о котором уже анекдоты стали ходить: он никак не мог умереть, чуть ли не целых полгода.

Я в отпуску: взамен Парижа попросил у Б.Н.'а догулять восемь дней, оставшиеся от предыдущего отпуска.

Так вот – арбатовская тема (она же первомайская – мои наблюдения за демонстрацией 1-го мая). Это опять: Куда мы медленно катимся? Что с нами, со страной, будет?

Раза два мы вырывались на прогулки. Там, оказывается, прелестные места, сохранившие чуть-чуть облик старинного дачного Подмосковья. И хотя я работал на этой даче раз пять или шесть, ни разу не приходилось заглядывать за забор со стороны Москвы-реки. Походили мы с Юркой. Он, кстати, недавно перенес обширный инфаркт и сейчас будто обновленный, решительный, и еще более нахальный в своих суждениях, но еще больше озабоченный проблемой «что с нами будет?», «до каких пор Россию можно так мордовать и издеваться над нею?!» Знаешь, - говорит, - Толя, вроде как все у меня есть и большего не хочу и не надо. Но осталось беспокойство за «общее дело», переживаю, расстраиваюсь, ночами иногда не сплю, а мне ведь вредно теперь волноваться, я инфарктник…

Разложение же дикое, хуже, чем при царе, потому что нет скрепа аристократизма, понятий «честь» (дворянской, офицерской), которые все-таки хоть часть власть предержащих держали в рамках. Вот смотри, я специально тебя повел здесь… Что это строят?

Я: Какой-нибудь дом отдыха высшего класса или загородную виллу для приема высокий гостей…

Он: Нет! Это Щелоков (министр внутренних дел) строит себе подмосковный дворец (дача у него само собой и так есть). Строят, конечно, солдаты, призванные, чтоб служить Родине. Он вообще делает что хочет. Загородился зятем, его теперь пальцем никто не тронет.

- Каким зятем?
- А ты что не знаешь? Наверно, на Пленумах ЦК видел мальчишку генерал-лейтенанта. Красавчик такой…, все на него пялятся, чуть ли не пальцем показывают. Это и есть зять Брежнева. Как он появился? Был посредственным студентиком из провинции. Оказался на комсомольской работе. Взяли в райком комсомола. И тут, на каком-то вечере или вечеринке встретился с этой б…, дочкой Брежнева, которая как раз в это время разводилась со своим очередным мужем, девятым или десятым… Вот и пошло… Скоро он уже оказался в ЦК ВЛКСМ. Тут-то его и усек Щелоков. Взял себе в замы, а когда Папутин кончил собой, сделал первым замом. Он уже и член ревизионной комиссии ЦК, как и ты… Все что угодно! Ничего не делает, говорят. А Щелокову и не надо, чтоб он чего-нибудь делал и во что-то вмешивался. Пусть, мол, живет по принципу: обогащайся, как можешь, тащи все, что хочешь и т.д.

Патоличев (министр внешней торговли) тоже загородился. Но этот прямо собственным сынком. Взял себе в замы этого пьяницу и вора… А теперь он уже у него первый зам. Зато сам Патоличев (впрочем, в прошлом заслуженный человек, можно сказать, большевик) имеет заслонку и делает, что хочет, может и для пользы страны, не знаю… И дважды Героя уже получил.

А этот вор грабит валютой, не стесняясь и пользуясь «служебным положением». Недавно сам папа ему вручил высший орден… Не постеснялся – перед экраном телевизора.

Это вот в верхнем эшелоне. А что делается пониже? Дело «океан» ты знаешь. Весь мир теперь знает… Недавно даже «Нью-Йорк таймс» его подробно описала. А Ишков всего лишь на пенсию отправлен и остается кандидатом в члены ЦК.

6 мая 80 г.

Арбатов видит главное зло (во внешнеполитическом плане, включая Афганистан) в Громыке, хотя теперь все больше склонен думать, что замешаны и андроповские ребята, которые и его, и других «обдурили» ложной информацией и страхами. В наглости Громыко он видит определенную линию, проистекающую из заинтересованности в обострении обстановки.

Логика примерно такая: войны все равно не будет, наращивание военной мощи нам нужно по многим причинам, в том числе и чтоб содружество было в порядке, а некоторая напряженность с американцами даже полезна, так как позволяет оправдывать напряженку с продуктами, ширпотребом, услугами и проч. Громыко в узком кругу прямо высказал такую мысль (особенно, последнее – в отношении собственного населения).

Шум вокруг Афганистана тоже невреден, особенно теперь, когда началась открытая помощь мятежникам со стороны США, Пакистана, Китая… Это позволяет убеждать Брежнева и других, которые могут усомниться, в том, что «ошибки не было», что «надо было вводить войска».

Громыко действительно ведет себя, как монополист во внешней политике. С СС-20 он так запутал всех, что теперь уже совершенно очевидно, что с самого начала «мы» не хотели никаких переговоров на эту тему, и никаких возможных ограничений. В период,

когда ОСВ-2 был на подъеме, он твердил в своих речах (и вписывал Брежневу), что «средний радиус» будет обсуждаться в рамках ОСВ-2. Потом в речи в Берлине (октябрь 79) Брежнев сказал, что мы готовы любое оружие обсуждать где и когда угодно. Перед сессией НАТО в декабре Брежнев и Громыко заявляли, что готовы сесть за стол переговоров по ракетам средней дальности в любой момент. Потом Громыко, не поставив даже в известность Политбюро, заявил в интервью в Бонне (уже после сессии НАТО), что основа переговоров подорвана (одновременно он, таким образом, подорвал всякую возможность общественным силам в Западной Европе вести серьезную борьбу против решений НАТО – ибо исчезло конструктивное начало этой борьбы). Теперь же – в апреле, поехав к Жискар д'Эстену, он сочинил себе директивы – по среднему радиусу опять только в рамках ОСВ-3. Эта же идея заложена в резолюцию предстоящей сессии ПКК Варшавского Договора (в середине мая). Таково преднамеренное петляние, а цель – саботаж каких бы то ни было переговоров по СС-20. Дальновидно ли?

Ведь мы же втягиваемся в новый тур гонки, которая много, много дороже будет стоить, чем предыдущие туры, особенно в условиях усиливающегося развала и бардака в экономике. Или – и в самом деле, это – последний редут (вооруженная мощь), на который только и рассчитывают, чтоб безбедно дожить у власти самим и деткам оставить на много-много лет, а с остальными, со страной что будет, то и будет!

Еще один пример самоуправства, впрочем, в том же направлении. В конце апреля предстояла неделя франко-советской дружбы в Париже. По традиции Брежнев должен был записаться на французском TV. И, конечно, это выступление не могло не быть успокаивающим и доброжелательным, миролюбивым. Так, Громыко уговорил Брежнева не выступать. И это легко было сделать, так как тот в очень плохом состоянии и ему просто по-человечески тяжело, а если оказались еще и «политические аргументы против», то он охотно отказался.

24 мая 80 г.

Попалась книжка Некрича, написанная «там» (он уехал в Израиль, т.е. в США в 1976 году). Калейдоскоп событий с 1946-1976 годы – знакомые люди и конфликты, ко многим из них я сам был причастен или пережил со стороны (он даже поминает меня там однажды). Шекспировкое время (правда, это уже в значительной мере постшекспировское) выглядит мелковато, и не только потому, что автор уже подчиняется эмигрантской (антисоветской) логике, а и по существу. Мелкие чувства и побуждения руководили людьми: злоба, карьеризм, вернее желание потеплее устроиться, невзирая на мораль и принципы, за счет других, и особенно глупость, тщеславие… Книжка меня очень расстроила.

На службе. Я думал, что после парижской встречи Б.Н. немножко поутихнет в смысле «буйной инициативы». Но я опять его недооценил. За Париж и ленининиану он даже спасибо мне не сказал. Впрочем, это даже хорошо, потому что эти благодарности ставят в неловкое положение и противны. Но вызвал он меня, как только я появился на работе для того, чтобы поручить писать его статью в назидание Берлингуэру, который съездил в Пекин, а не Париж и ставит на одну доску эти два блока. Согласно лидеру ИКП получается - какое НАТО хорошее, и какой Варшавский договор плохой.

Вообще же, если говорить всерьез, позиция итальянцев в последнее время прояснила их стратегию. Они теперь не хотят не только ленинизма, но и Международного комдвижения. Пайетта сформулировал это очень образно: за одним столом не могут сидеть те, кто имеет ракеты и те, кто их не имеет. Их «новый интернационализм» тоже яснее прорезался: объединяться со всеми, с кем можно, чтобы заменить в борьбе за спасение человечества две сверхдержавы, которые показали, что они не умеют правильно анализировать обстановку и, главное, не могут подобающим образом себя вести (одни – в

Иране, другие – в Афганистане). Это пересказ интервью Берлингуэра по возвращении из Пекина.

Мы всё пытаемся их усовестить, апеллируя к логике и идеологии МКД. Но они не верят нам и убеждены, что мы действуем исключительно в имперских (государственных) интересах. Для того, чтоб сидеть между двух стульев (США и СССР), они нуждаются в поддержке более реальной силы, чем их собственная оригинальность и диссидентство. Именно поэтому они обратились в сторону Китая. И в общем-то согласны с их (китайской) оценкой мировой ситуации.

Парижская встреча возбудила надежды на возможность нового всемирного Совещания. Многие (из мелких и средних КП: США, Индии, Израиля, Канады…) задают нам вопрос: почему в Европе можно собираться при отсутствии некоторых, а всем нельзя… Тем более, что в процентном отношении отсутствующих будет меньше, чем в Париже. Казалось бы логика очевидная. Казалось бы, и нам в свете стратегии Берлингуэра, надо было бы активизировать все МКД, опереться на свой верный резерв. Но эта идея не вызвала «энтузиазма» у Суслова, когда ее на беседе с ним высказал Вильнер.

Они, наши верные друзья, которые впрочем, теперь уже тоже не лебезят перед нами, а режут правду матку, - не знают они, что наши «принципиальные соображения» сводятся к тому, что наши лидеры физически не в состоянии допустить такую для себя нагрузку, как Совещание. Конечно, одна красивая речь может быть подготовлена и прочитана. Но друзья ведь хотят не только performance, а и деловых, серьезных дискуссий, разговора… Ведь так все изменилось!

<u>9 июня 80 г.</u>

На службе все опять свалилось на меня. Б.Н. подсуетился у Суслова готовить проект резолюции по международному вопросу к предстоящему 23 июня Пленуму ЦК. Ермонский что-то набросал по схеме, которую мы с Загладиным проговорили после получения задачи от Б.Н.'а. Я вчера, в воскресенье, после дачи делал из этого текста резолюцию - документ. После его перепечатки ходил по комнате и был собой доволен. Вот, мол, какой мастер высокого партийного стиля!

A propos – Загладин на другой день после упомянутого разговора опять улетел во Францию и потом в Голландию – на съезд партии. Куда я было тоже собрался, но не тут-то было!

И еще надо было сделать для Б.Н. статью о двух блоках (против итальянцев: на днях уже не Наполитано, а сам Берлингуэр, отвечая на вопрос корреспондента, что ИКП будет делать, если на Италию нападет Советский Союз, ответил – сражаться в первых рядах за независимость Родины). Б.Н. на этот раз решил «сблагородничать» (мол, консультанты устали) и поручить проект ученым. Выбрал самых опытных, именитых и одаренных: Быкова, Дилигенского, Томашевского из института Иноземцева. Я его предупредил. Согласен, мол. Но прошу вас почитать то, что они напишут в чистом виде – без нашей здесь переработки. Он ухмыльнулся. А я нагло продолжил: это, Борис Николачевич, в качестве эксперимента. Вы ведь сколько лет не верите, что ученые дают нам макулатуру, которая идет в корзину, а все, что потом выходит в конечный продукт, - все это делается здесь, консультантами и вот этими руками. Дал он им сроку неделю, а когда получил и прочел, ругался матерно. А я посмеивался и отговаривал вызывать их – все равно ничего не будет путного. Но и успокоил: я, мол, давно велел Соколову написать текст. И он – этот текст – вполне приличный. Вот почитайте. И хоть он Соколова терпеть не может, взял. И сегодня вынужден был признать, что «основа есть». А я его попросил к тому же вызвать Соколова и сказать ему об этом тоже. Он сделал, хотя и сквозь зубы. Моя работа на соколовском варианте состояла в том, чтобы спланировать, наметить сумму вопросов, обговорить подход и выводы, отредактировать

основательно. Написал несколько страниц сам, в том числе заключение = «очередное учение Пономарева о вреде уподобления двух блоков».

Веселого в этом только то, что, как самому кажется, «проучил Пономарева». Хотя с него, как с гуся вода…

В субботу поиграл на Петровке в теннис с Андреем Грачевым, удивительно милым человеком из замятинского отдела. Впервые в этом году на грунте. Там, на Петровке, необычная атмосфера – чего-то загадочно-ностальгического, напоминающего кинофильмы о спорте и развлечениях образца 1914 года…

Прочел я «Привет, Афиноген» Афанасьева (говорят, ученик Трифонова). Бешено талантливая книга, хотя по композиции и некоторым сюжетным ходам еще чувствуется неопытность. Руководство литературой (и искусством) само по себе, а жизнь и литература о жизни все больше и больше сами по себе. Нигде не зацепляется одно за другое. Ни тебе направляющей роли партии, ни тебе официальной идеологии (если только не через насмешку)…

Тот же Зиновьев, только без хамства и разных там открытых глупостей против начальства.

Позвонил Сизов – председатель ревизионной комиссии, в которой я состою. Он мне давно, месяца два назад, говорил, что ждет от меня вступительных страниц к его докладу на XXVI съезде КПСС. Тогда я отговаривался, что вот, мол, будет ПКК, парижская встреча, международная обстановка как-то прояснится, наши оценки определятся и проч. Он поворчал, но спорить не стал. Тогда он не понял, придуриваюсь я, чтоб не работать на него, или в самом деле слишком серьезно подхожу к заданию. Теперь же, когда на носу Пленум, на котором будет принято решение о проведении съезда в феврале, терпение его лопнуло. И он довольно откровенно дал мне понять: нечего, мол, валять дурака, какое-то там международное положение и т.п., мне нужно, чтоб было сказано о Л.И. Брежневе, о его огромной работе, о его историческом докладе, «который мы только прослушали (почти за год до произнесения!) и в котором дан глубокий марксистско-ленинский анализ обстановки и намечены вдохновляющие задачи»…

В чем тогда дело, - говорю я. Раз так, назначайте, Геннадий Федорович, срок и текст будет…

Подумал, помолчал и…: «На той неделе представь».

<u>21 июня 80 г.</u>

Завтра начнется вывод «некоторых воинских частей» из Афганистана, «пребывание которых уже не диктуется обстановкой» (последнее закавыченное – это, мол, формула для сообщения ТАСС из Кабула и для письма братским партиям).

Причем, начнется в момент, когда на Западе вот уже две недели кричат о концентрации мятежников, о подготовке фронтального наступления на Кабул, об инфильтрации партизан в столицу, о взаимной резне между различными афганскими группировками и о чуть ли не попытке к самоубийству самого Кармаля, о почти полной дезорганизации власти и успешных действий мятежа.

Но даже не в этом дело! Ибо волны разных кампаний на Западе по Афганистану – лишнее подтверждение, что это все манипулирование мозгами, которое тем не менее опять и опять сделало свое дело: возбуждение стойкой и необратимой ненависти и презрения к нашей стране.

Дело вот в чем!

В начале прошедшей недели Б.Н. в ходе какого-то очередного нашего с ним «текущего» разговора вдруг сообщил мне: «А ваш Арбатов-то… пошел к бывшему своему шефу и стал ему доказывать, что надо выводить войска из Афганистана».

Через полчаса, когда я уже по другому делу предложил Б.Н.'у согласиться с предложением Добрынина послать Арбатова на теледискуссию в США, он (Б.Н.), не возражая заметил, однако: «не знаю, как теперь на это посмотрят!» (имея в виду – «там наверху»).

Через пару дней на совещании замов Б.Н. вдруг (в присутствии шести человек) сообщил об этой «акции» Арбатова, причем с явным неодобрением в голосе. И добавил: «А тот (т.е. бывший шеф Арбатова – Андропов, когда он был зав. Отделом ЦК) не стал держать это при себе, сказал»… (и Б.Н. сделал округлый жест обеими руками, давая понять, что, мол, в каком-то высоком кругу, по-видимому, на афганской комиссии, т.е. в присутствии Громыко, Устинова, может быть даже Суслова). И еще добавил (Андропов): «Вот, мол, какое настроение у интеллигенции»… Поездил, мол, Арбатов по Италии, встречался там со своими «дартмутскими друзьями» (последнее, может быть, досочинил сам Б.Н.) и вот, пожалуйста!.

Во всяком случае, Б.Н. при замах изобразил дело так, что песенка Арбатова может быть уже спета.

Тут заслуживает внимания одна «психологическая» подробность, касающаяся Б.Н.'а и многих ему подобных. Оказалось (из разговора с Брутенцем, с которым он тоже делился кое-чем про Арбатова), что еще до Андропова Арбатов заходил к Б.Н. и говорил ему про то же. Сам Б.Н., который сочувствует этой идее и то и дело передавал нам явно не свои слова, что, мол, «очень уж дорого нам это стоит!», сам он никому (даже нам, мне) не сказал «о позиции Арбатова». Однако, когда эта позиция стала достоянием его начальства и была встречена, судя по его изображению или впечатлению (это еще одна загадка), неодобрительно, Б.Н. сразу изменил «свое» мнение, во всяком случае об Арбатове и начал было третировать его, как списанного человека. И нам сообщил, по-видимому, чтоб поостеречь от подобных «акций» или высказываний.

И вдруг вчера экстренно вызывает к себе замов и под страшным секретом (никому, ни слова!) сообщает вышеупомянутую новость – о выводе частей с тяжелым вооружением, «не нужным уже там». Может быть, он и не стал бы сообщать, но «надо работать»: срочно писать указавки совпослам, братским партиям, соцстранам и т.д.

Решение, как следовало из его намеков, было принято в четверг на Политбюро по предложению Брежнева, который зачитал его по бумажке (значит, был кем-то подготовлен текст). Сопровождалось довольно странным обменом мнений… Первое, о чем мы спросили Б.Н.'а «внимательно» его выслушав, - а публиковаться об этом будет?

- Нет!
- ?? Для чего же тогда?..
- Был поставлен такой вопрос, но Громыко резко запротестовал: мол, скажут, что мы под нажимом это делаем…
- Но зачем тогда мы это делаем? Мы же не выводим совсем войска и даже не большую их часть? Казалось бы шум вокруг этого в нашу пользу – один из главных аргументов. 23 июня в Венеции соберутся лидеры Запада, включая Картера. Они наверняка примут резкую резолюцию с требованием вывода. И тогда еще хуже будет, с точки зрения пропагандистской, если мир до 23 числа не узнает, что вывод уже происходит.
- Сказано – нет, - отрезал Б.Н. (Но видно было, что он сам ничего понять не может и удивлен тем, что с Громыко согласились)… Предложено послать в Кабул корреспондентов (иностранных), чтоб они оттуда дали информацию на весь мир.
- Но, - справедливо возразил Загладин, - части, которые будут выводить, находятся далеко от Кабула и корреспонденты ничего не увидят сами.
- Да, вы правы, - ответствовал Б.Н…

Я в добавок высказал и такое соображение в пользу публикации: 23 июня Пленум ЦК. Не будет ли расценено на Западе так (если заранее не опубликуем), что Пленум «поправил» ПБ и потребовал вывода войск.

С этим мы и разошлись, получив задания готовить срочную информацию соцстранам, совпослам и некоторым братским партиям. Однако, уже через 10 минут он мне позвонил и сказал, что договорился с Сусловым все-таки подготовить информацию для прессы – в виде (?) краткого сообщения корреспондентов ТАСС. Я сочинил и отдал Б.Н.'у. Он, кажется, помчался согласовывать вверху.

Есть тут и еще одна внешнеполитическая деталь. Громыко отверг также предложение (чье?), информировать Жискар д'Эстена, учитывая его мужественную акцию – встречу в Варшаве с Брежневым. Потому, что иначе весь куш заберет Шмидт, который приедет в Москву 30 июня, который не скрывает, а наоборот, повсюду оповещает, что будет ставить афганский вопрос, и который давно уже по конфиденциальным каналам просит нас сделать «жест» - вывести какую-нибудь часть из Афганистана, желательно воздушно-десантную или танковую, или хотя бы переодеть эти части в другую форму, чтоб показать Западу, что мы не собираемся идти дальше к «теплым морям» или захватывать средне-восточную нефть…

Весь мир скажет: что вот, мол, в преддверии визита Шмидта, который везет на подпись обширную программу экономического сотрудничества, ему подготовили подарочек…

Однако, Громыко, как видно, все взвесил и командует, забрав «непомерную силу»…

Опять же вернемся к главному: кто подготовил Брежнева к этой инициативе. Брутенц темнит, но что-то знает… Во всяком случае он выразил уверенность, что Арбатов был «и там»…

Я высказал и другое предположение: Б.Н. неправильно понял реакцию Андропова на идею Арбатова. Больше того, он сам (Андропов) пошел к Брежневу и предложил это сделать, может быть, даже сославшись на «настроения интеллигенции». Может быть и другой вариант: Арбатов сам по себе, а решение созрело раньше и также в недрах андроповского ведомства. В пользу такого предположения говорит и то, что в четверг принимается решение, а в воскресенье части (причем, тяжелые части) начинают уже движение домой, - не маловат ли срок для свертывания (замены другими, легкими) и т.п.?

Как бы там ни было, но Юрка еще раз доказал, что он настоящий!

Остальное все по-прежнему… Написана и отправлена Зародову статья «Пакт мира и пакт агрессии» – еще один опус в собрание сочинений товарища Пономарева.

Дали в «Новом времени» от 20 июня по мордам Пайетте за его майское интервью в «Шпигеле».

Сочиняем доклад Б.Н. для «шестерки» (соцстраны Европы – Секретари ЦК, без румын, тайно) – о том, что делать с ВФП и с комдвижением после парижской встречи, главное – как оценивать стратегию Берлингуэр – Пекин.

Написал я вводную часть для доклада Сизова на XXVI съезде КПСС. Отнес сам. Он прочел в моем присутствии… «Мне, - говорит, - нравится»

Написал для Русакова памятку о комдвижении для бесед с югославами, к которым он едет на той неделе.

Отправил последние главы в издательство «Мысль» - из книги Галкина и К^{о} о двух реформизмах – буржуазном и социал-демократическом. Много выгреб оттуда.

Был на редколлегии «Вопросов истории». Раз пять выступал.

<u>22 июня 80 г.</u>

С дачи заезжал в «Лесные дали» к Арбатову. Он позвонил на работу, полувопросительно-полуутвердительно, но явно зашифровано сказал: «Хорошие новости… Надо бы встретиться».

Погуляли по аллейкам (там еще большее бюрократическое кодло, в основном мидовцы и прочие совминовцы). Я ему рассказал, что знал о его делах. Он мне – о том, о чем

я только догадывался. Он действительно был у Андропова. Тот его принял доброжелательно и поощрительно. Сам посоветовал добиваться приема у Брежнева. И очень Юрка ругался матерно, когда узнал о том, что Ю.В. (Андропов), во первых, «разгласил» о его визите к нему, да еще с присказкой о «настроениях нашей интеллигенции». А, во-вторых, если Б.Н. правильно ухватил – готов был бы его продать, если бы визит Л.И. «не увенчался».

Оказывается, Юрка напросился к Л.И. вместе с Жуковым, с которым они ездили в Италию на Пагоуш. Это для меня в некотором роде новость – не ожидал я от этого типа такой храбрости. Брежнев был в хорошей форме. Говорили только втроем. Предложили не только вывод из Афганистана, но пакет, включая Вену, т.е. ОСВ (не спорить из-за СС-20), и проч. Брежнев сказал: ладно, напишите бумажку. Бумажка была с собой. (Потом ее у Юрки выпросил Блатов, - копию чтоб составить памятку для Политбюро).

Сегодня в «Правде» уже опубликована корреспонденция ТАСС из Кабула, которую я от руки сочинил в пятницу и отдал Б.Н.'у. Значит, здравый смысл все-таки взял верх, - публиковать. Значит, Суслов сочувствовал с самого начала всему этому делу и вопреки Громыке, которого поддержали на ПБ, добился публикации. Более того, как мне сказал сегодня Юрка, Жискару послали тогда же уведомление о выводе, тоже вопреки Громыке…

28 июня 80 г.

Все никак не соберусь записать о Пленуме ЦК (23 июня).

Леонид Ильич был опять в хорошей форме. Открывая Пленум, даже не заглядывал в бумажку, не перевирал слова, не бормотал… Чудо. Москва полнится слухами о какой-то грузинке, которая ладонями = теплом их вылечивает чуть ли не всё подряд. Её уже перевели в Москву.

Доклад Громыко о международном положении – поверхностный, мелкий, пропагандистский. В общем же его доклад олицетворяет роль Пленума, как органа, которого не удостаивают даже откровенного информирования, не говоря уж о каких-то там решениях, направлении и проч. Прения соответственные: славословие в адрес Л.И. и чуть самоотчетов. Особенно пошлым было выступление Чаковского, который не постеснялся (а может быть – другое) пересказать в визгливо-кликушеской тональности собственную статью в «Правде» (недели две назад: о летучих мышах, которые висят вверх ногами и соответственно видят обстановку и т.п.).

Зато «наша» резолюция была преподнесена весомо. Брежнев предоставил слово Суслову, тот спустился на главную трибуну и с видом – мол, то, что вы слушали из уст министра, можете забыть и наплевать, слушайте сюда: торжественно зачитал текст, который несмотря на всю пономаризацию, проделанную над ним после нас, звучал солидно, внушительно. Особенно на фоне громыкинского доклада.

И все-таки мифология действует: ух, как приятно было слушать написанные тобой слова и фразы в таком исполнении, в такой аудитории и для такой цели = для истории!

И еще один эпизод прошедшей недели. Брежнев награждал «ряд видных государственных и партийных деятелей», в том числе Б.Н. – вернее вручал ордена. О каждом говорил. И совершенно неожиданно (в свете того, что я раньше слышал из его собственных уст – о «долбаном академике», «подумаешь ученом» и т.п.) объявил на весь мир – что Б.Н. «соединяет в себе талант партийного деятеля с видным ученым, который выступает с интересными марксистско-ленинскими исследованиями». Иначе говоря, осуществилась золотая мечта Б.Н.: он признан «теоретиком нашей партии»…

Кстати, в ответном слове, в отличие от других (Кунаев, Рашидов, Тихонов, Русаков) он ни слова не сказал о самом Брежневе, тогда как те главным образом славили его. Потом, в разговоре со мной, он пожалел об этом…, мол, «скомкал, волновался».

13 июля 80 г.

15-го состоится «шестерка» в Будапеште. Я, конечно, опять не еду, хотя готовил ее больше всех я.

Жилин подготовил проект Олимпийского тоста Брежнева перед лидерами КП и революционно-демократических партий, имеющих быть в это время в Москве. Но приема вроде не будет.

Москва Олимпийская: вереницы автобусных колонн с гостями из республик, пустынные улицы, освобождение также и от частных автомобилей и на каждом шагу парные патрули милиции. На нашей Кропоткинской улице, например, они стоят через каждые 25 метров. На предприятиях и в учреждениях проводятся беседы – чтоб не вступали в разговоры с незнакомыми., не собирались кучками, тем более толпой, предпочитали не метро, а наземные виды городского транспорта и т.п. Говорили «в народе», что в дни Олимпиады Москва будет завалена товарами и продуктами. Пока ничего этого не заметно. А вот в провинции – на Урале, на Волге, в Сибири, не говоря о Севере, - в магазинах пусто. В Риге (!) даже молока и сыра нет. Это в Риге-то, которой, кстати, именно в эти дни вручают орден Октябрьской революции. Западная печать полна статьями о небывалом за 20 лет продовольственном кризисе у нас и волнениях на крупных заводах (в том числе Тольятти, Горьком, Камазе). «Гардиан», кажется, сделала из этого такой вывод: советский рабочий давно уже не верит ни в какой коммунизм и прочие идеи, но он до последнего времени верил, что с каждым годом (или во всяком случае в обозримой перспективе) будет жить все лучше. Теперь, если он разуверится и в этом, что тогда?!

Одновременно коррупция продолжает свирепеть. Прочитал тут очередной бюллетень, который издает оргпартотдел ЦК и КПК… Мурманская и Архангельская области – спекуляция при продаже и перепродаже «Жигулей», «Волг», «Москвичей» достигла необозримых размеров. Причем, занимаются этим работники райкомов, исполкомов, горкомов, начальники всяких трестов и объединений, т.е. те, которые имеют возможность поставить себя и своих родственников в первые номера очереди на покупку машины из квоты, отпускаемой области, городу и т.д. Зарабатывают большие деньги на этом. А «выводы»: как правило, выговор, строгий выговор… Только одного (зам. зав. отделом пропаганды Мурманска) исключили из партии – уж слишком лихо «работал» на глазах общественности.

Егоров выгнал Логинова из ИМЭЛ'а после 30 лет работы там … за нарушение правил противопожарной охраны. Был у меня Бовин по этому поводу. «Отомстил, говорит, за активную жизненную позицию». Советско-финский фильм о предоставлении Финляндии независимости (вместе с Шатровым), роман «Февраль» (о Февральской революции), консультации по всяким проблемам ленинианы – тем, что развивает ее «нетрадиционно», длительная дружба с Любимовым. Т.е. такой образ жизни, когда зарплату получаешь в одном месте (в институте), а а работаешь и зарабатываешь славу в других местах. Конечно, это не могло не вызывать ненависти у окружения и у Егорова.

Бовин ходил к Зимянину. Тот вызывал Егорова, но … Володька не был восстановлен. Однако, Зимянин позвонил Загладину и попросил «устроить куда-нибудь». Устроил его я – в Ленинскую школу.

19 июля 80 г.

Сегодня открывается Олимпиада. Выдали мне карту с фото на длиной цепочке в ложу гостей. Но на одно лицо. Пришлось доставать билеты на любимые виды спорта – плавание, легкая атлетика, волейбол…

Из-за того, что столько вокруг нервов и суеты вокруг этой Олимпиады, повылось ощущение выхолощенности мероприятия еще до того, как оно началось. И то, что для

советского народа это «потемкинская деревня», и то, что Москва действительно превращена в большое гетто (как пишут западники), и то, что все сверхзаорганизовано и даже МОК не сумел потеснить нашу бюрократию с самых почетных мест на трибунах (не считая, конечно, законной правительской ложи).

А в наших «высших» сферах Олимпиада лишний раз высветила, что все в основном подчинено ублажению Одного человека – и чтоб поменьше его беспокоить.

Прием для лидеров компартий, которые приезжают на Олимпиаду, - вполне разумное товарищеское мероприятие с очень кратким тостом Леонида Ильича, который мы уже было подготовили, - отменен под предлогом, что «мы же решили не связывать спорт с политикой»! На самом же деле, чтоб не «перегружать».

Даже на правительственный прием для МОК и проч. решили «наших» гостей (от компартий) не приглашать, чтоб у Него не вызвало это неприятного чувства: мол, один прием я не пожелал, так они (там в Москве, без меня) придумали замену. Т.е. – чтоб не получилось « в пику», чтоб не гневить, и упаси Боже, не вызвать гнев на себя. И матеро руководит всем этим Кириленко, который сейчас «на хозяйстве»

Приемы у Л.И. некоторых лидеров (Марше, Куньял) – практически протокольные, но нужные им для большой у себя политики - тоже отменены. Куньял был очень расстроен. Я его встречал в четверг, просидел с ним на Плотниковом до полуночи – изумительный человек, действительно выдающийся политический лидер нашего времени… И он говорил: я, мол, понимаю, но ведь мне не нужна развернутая беседа с Брежневым, тем более дискуссия, все, что нужно мне, чтобы сориентироваться в международных делах и делах МКД расскажете мне вы, Пономарев, Загладин, другие товарищи. И я расскажу вам все, что вас интересует в наших делах. Мне нужно, чтоб было сообщение в печати: «Брежнев встретился с Куньялом!» Со мной раскланиваются сейчас американцы, впервые пригласили на прием в посольство по случаю национального праздника США; крупнейшие деятели правящего лагеря – из реакционеров, ищут контакта со мной; кардинал впервые подошел и дружески разговаривал; китайцы впервые после революции появились у нас в ЦК, хотят «обменяться мнениями»; со мной президент то и дело советуется. Страна накануне парламентских и президентских выборов, которые могут иметь ключевое значение для дальнейшей судьбы Апрельской революции… Партия растет, партия сила… И может не хватить немного, чуть-чуть, чтоб добиться крупного национального успеха. Вот для чего мне нужна встреча с Брежневым.

Но для нас главное – «не беспокоить»! И после этого антисоветчики и антикоммунисты продолжают кричать о «руке Москвы», о том, что мы всюду инспирируем революцию, всех учим, как подрывать основы и проч.! Знали бы они, как на самом деле.

Кириленко устроил разнос Пономареву – зачем опубликовали сообщение (две строчки) о приезде в Москву Куньяла: мол, провоцируешь неприятные эмоции у Него… Так не знал бы и ладно, а то, что Куньял просил о встрече быстро бы забылось. Т.е. уже совершенная дикость в духе старо российского боярства.

Два дня, после возвращения с «шестерки» из Будапешта, Пономарев и, кажется, все Политбюро во главе с Кириленко, только и занималось, кого куда сажать на открытии Олимпийских игр. Видите ли, невозможно, чтобы Живков и Цеденбал не сидели в главной ложе Политбюро. Но с другой стороны, что скажет Марше и ему подобные, если увидят, что тех посадили, а их нет. И волновать опять же нельзя. Даже чай попить в перерыве в помещении для членов Политбюро вместе с лидерами КП, пусть даже некоторыми, - ни под каким видом: «разговоры начнутся», «то да сё», «о чем говорить» и т.д.

Статья Стуруа в «Литературке» об Утергейтских записях. Американцы: «Да кто же нами правит!?»

Во вторник был на Секретариате. Лично неприятное ощущение. Кириленко воспользовался отсутствием Пономарева и прочитал мне при всех лекцию – что надо

экономить валюту и сократить вдвое план связей с японской соцпартией. Но он же видел сверху бумаги: «За. Пономарев». Что я мог в этих условиях бормотать?

Больше часа с участием всяких министров обсуждался вопрос о роботах и манипуляторах, как основе автоматизации производства. Всего сейчас придумано 300 типов роботов. У нас есть только 40. По качеству не совместимы с США и Японией. Специальной производственной базы для их создания нет. А между тем прирост рабочей силы в 70-ые годы был 9 миллионов человек. В 80-х будет – миллион. Число занятых грубым ручным трудом в 70-ые годы не уменьшилось, а увеличилось. Зав. Отделом машиностроения Фролов сообщил, что уже сейчас 800 000 станков стоят, так как нет станочников.

20 июля 80 г.

Прочел в рукописи новый роман Анатолия Рыбакова «Дети Арбата» – о 30-ых годах, Сталин впервые, как художественный образ, наподобие того, как, например, Наполеон или Александр I в «Войне и мире». Страшная вещь. Читая, впадал в какую-то душевную панику. Наверно, ее не пропустят. Ананьев, говорят, бьется, чтоб выдать в своем «Октябре». Рыбаков хочет поговорить со мной. Буду «отсоветовать» торопиться, чтоб не спугнуть сразу.

26 июля 80 г.

В воскресенье встретил Макленнана и Халверсона (председатель КПВ). В понедельник беседа у Б.Н. Во вторник проводил обратно. Остались друг другом довольны. На Афганистан Макленнан не нажимал, да и козырей у него мало: он не знает, что там на самом деле. А Б.Н. его завалил своей «версией со знанием дела». Много разговоров со мной – о китайцах, о том, почему в Англии правящий класс не выдвигает «реалистов» вроде Шмидта и т.д.

Поразило меня то, что встречаясь в гостинице «Советская», лидеры КП Англии не знают (даже в лицо) лидеров КП Швейцарии и наоборот, с финнами делают вид, что знакомы, когда подводишь их друг к другу. Вот тебе и «интернациональная сила». Еще в 60-ые годы подобное было немыслимо.

Б.Н. загорелся еще одной идеей – возглавить делегацию на «Парламент за мир» в Софию (в сентябре). И опять мне писать очередное сочинение. Кстати, о сочинениях. По его же поручению в секторах отдела суммировали, что каждый из них сделал за период между XXV и XXVI съездами. Естественно, и консультантская группа. Так вот. Среди ее дел – список на шести страницах только перечисление брошюр, статей, докладов, речей и выступлений Пономарева. Ни один академический институт не смог бы похвастаться таким обилием продукции. Показал Карэну. Он ехидно заметил. Вот, говорит, нашелся бы «доброхот», взял бы этот список, да послал бы, допустим, Кириленко или Брежневу… Как Брежнев успевает сочетать государственную партийную работу с сочинением произведений по тому в год – это, конечно, другой вопрос. А вот, как Пономареву это удается и кто позволил!..

Но, между прочим, хоть я и сам в 95 % этих сочинений участвовал, а многие в значительной степени написал собственной рукой, когда увидел список, удивился. Вот куда уходят мои силушки! И что я за это имею? Даже не для партии. Ибо «партия», узнай она, как на самом деле, оценила бы мой труд вышеозначенным образом.

Б.Н.'у позвонил Александров-Агентов. Кого, мол, вы выделите на «дачу» для подготовки Отчетного доклада к XXVI съезду? Тот призвал меня и спрашивает. Я предложил Вебера – самый компетентный, умелый, образованный, опытный и добросовестный из консультантов. Б.Н. отвел и стал было в обычной своей манере «критиковать» Вебера. Я озлился и перечил довольно резко. Потому, что был уверен, что им

руководит не только собственная неприязнь к Сашке, но и «что скажут» (!) – фамилия странная, не еврей ли и т.п.

Сам он назвал Пышкова, которому благоволит. Смышленый, но довольно посредственный и вряд ли способный что-либо выдумать, да и серьезных знаний у него никогда не было. Спорить против Пышкова я не стал.

А на другой день Б.Н. позвонил. Мол, Александров просит назвать уже конкретно – кого мы посылаем. «Для вашей информации, - сообщил мне Б.Н., - я назвал Пышкова и Брутенца. Он, мол, хоть и занимается у нас национально-освободительным движением, но человек широкого профиля, может обо всем»…

Я прервал: «Александров отлично знает Карэна и в рекомендациях не нуждается».

На той неделе группа выезжает в Серебряный бор, видимо, на полгода, пока не начнется Завидово.

Виделся с женой Гэса Холла. Внучки – одна прелесть. В свои 13-14 лет эти типичные американочки глядятся на все 20. Видел их в Олимпийском бассейне, а потом на Плотниковом. С Элизабет говорил о возможном ордене для Гэса в связи с 70-летием и о моей поездке в США под крышей академической делегации Тимофеева.

29 июля 80 г.

Умер Володя Высоцкий. Бард нашего времени. 41-го года. Ночью, не просыпаясь.

Познакомился я с ним в 1966-67 годах, помню, в гостях, на Пушкинской улице, в одной маленькой старинной квартирке. Впервые я его там услышал. Было нас человек 5-6… Кажется и Д. Самойлов был. Поразило меня тогда умение таланта проникнуть в душу другого, моего поколения. Схватить суть не своего времени.

Похороны превратились в массовый траур города – в разгар Олимпиады. Очередь прощаться стояла с ночи от Театра на Таганке к мосту, вдоль набережной до гостиницы «Россия». Везли его на Ваганьковское кладбище сквозь толпу. «Порядком» руководил сам генерал Трушин – главный милиционер столицы, благо, что в Москве сейчас 34 тысячи милиционеров со всех концов Союза. Секретарь Краснопресненского райкома Бугаев встречал у кладбища во главе 10-ти тысячной толпы. Сам говорил речь на могиле. Телеграммы соболезнования прислали Гришин и … Андропов. А в газетах только «Вечерняя Москва» и «Советская культура» дали «рамочку». Один интеллигентный старик из толпы сказал: «Как Маяковского в 30-том». И, пожалуй, точно. Диссидент – не диссидент, талант, но не всем признан. Кое-кто «там» вообще считает его «не нашим». Хотя все слушают, восторгаются, плачут. В 10-ти тысячной толпе у кладбища десятки, если не сотни магнитофонов: Высоцкого провожали под его песни.

17 августа 80 г.

Прошедшая неделя, когда я в отделе - за Пономарева. Он меня оставил, чтоб готовить ему доклады для «Парламента за мир» в Софии и Берлинской конференции по национальному освободительному движению. Причем, я-то все думаю, что он этими своими «международными сценариями» с собой во главной роли все рассчитывает покрепче и повыше закрепиться в руководстве. Но почему-то никак не может усвоить, что только портит себе «карьеру».

Буквально на другой день после его отъезда звонит взволнованный Русаков: мне, мол, передали, что упоминание Живковым «парламента за мир», а Хоннекером Берлинской конференции на беседах в Крыму, вызвало «раздражение» Самого. Что, мол, за сборище? Почему ничего не знаю? Зачем и опять де Секретари ЦК все время ездят, чего-то проводят и т.п. Кстати, «предали» они Брежневу и то, что делегация КПСС (т.е. Пономарев) на последней «шестерке» в Будапеште в июне пробросила идею международного совещания

компартий… Оба (Живков и Хонеккер) поддержали эту идею. И обоим Брежнев заявил, что сейчас не время, не до этого. Подумаем после съезда…

При очередном звонке с Юга я Б.Н.'у сообщил о высочайшем раздражении… Испортил настроение. Но через два дня он уже позвонил и просил, чтоб я зашел к Черненко («ведь вы же знакомы») и поговорил на этот счет…

А серьезное вот что было…

Во вторник пришла записка Брежнева о ракетах среднего радиуса. На одной страничке. Смысл: идея, предложенная (Брежневым) Шмидту, начинает затухать. Американцы ясно почему будут ее глушить. Но этого нельзя позволить. Мы выдвинули эту идею не для пропаганды, а всерьез и я требую серьезного к этому отношения: в частности, предложить США официально начать переговоры, а если будут саботировать, опубликовать это наше предложение. Обратиться к другим правительствам НАТО. Возбудить общественность. И через пропаганду не дать забыть об этом.

Кириленко, который сейчас ведет ПБ, записку эту разослал членам ПБ и Секретарям ЦК, образовал комиссию в составе: Андропов, Зимянин, Корниенко, Замятин, Огарков, Черняев. Потребовал, чтоб к заседанию ПБ в четверг мы представили проект постановления по записке Брежнева. Андропов дважды нас собирал в «ореховой комнате» (это в Кремле между помещением Политбюро и кабинетом Брежнева). Соорудили и подписали проект для ПБ: то, что уже изложено в записке (к США и НАТО), а нам, Международному отделу – письмо Брандту, некоторым социал-демократическим партиям, западноевропейским КП, а также – по линии общественных организаций, т.е. всяких международных борцов за и против.

В четверг меня вызвали на ПБ. Первым был этот вопрос. Андропов доложил «от комиссии». Естественно утвердили…

Утвердили также директивы Громыко на очередную Генассамблею ООН. А до этого Кириленко просил меня дать оценку мидовскому проекту. И вообще - что, мол, сказать о нем на ПБ. По одному из замечаний Корниенко (первый заместитель министра иностранных дел) стал задирать хвост. Кириленко не осадил его, так как сам изложил замечание некорректно и дал этому хохлу-мидовцу возможность возражать против своей «версии» (о связи РСД с ОСВ-2). Но по другому – информировать о вопросах, которые мы вносим на Генассамблею ООН, братские государства – его «посадили», причем, начал Андропов, сославшись на то, что натовцы все заранее координируют и обсуждают, а мы своих друзей держим в черном теле и до самого начала ассамблеи не ставим их в известность, что мы сами там собираемся предлагать. В то же время требуем от них поддержки.

Корниенко пытался ссылаться на многолетнюю практику, на то, что от поляков может утечь, но его заткнули.

Заседание ПБ началось с того, что Кириленко сообщил о болезни Косыгина (второй инфаркт) И «по совету Брежнева» фактически И.О. премьера был назначен Тихонов.

<u>19 августа 80 г.</u>

В Польше волынки: то, что Ленин назвал бы всеобщим кризисом режима.

Доклад Марчука об НТР на будущую пятилетку. Конструктивный, но завал у нас такой, судя по его анализу, что очень сомнительно, чтобы его идеи могли быть реализованы.

А мы пишем письма Брандту, другим социал-демократическим лидерам, компартиям об РСД и «новой ядерной доктрине» Картера.

Жуков сделал статью-эвфемизм против Берлингуэра (по поводу его интервью в «Карьера де ля сера» и «Вашингтон пост»).

Десятки больших и малых бумаг в день для ЦК, а сегодня еще был Секретариат с семью нашими вопросами. Дважды давал объяснения: не помогло.

19 сентября 80 г.

Ровно месяц. Оказывается это большой срок. За это время съездил в ФРГ.

Это было как раз во время начала «польских событий» и там, в ФРГ, основная тема в разговорах (и по теле, и по газетам) была Польша. В самом деле, события поставили все мыслимые политические вопросы – от теории марксизма-ленинизма, реального социализма, морали, будущего, пропаганды и идеологии, международных отношений, нации и интернационализма, поляков и русских. А для нас – все наши больные проблемы. Недаром же в связи с событиями возобновилось глушение «Голоса Америки», «Немецкой волны» и т.п., по поводу чего нас формально, на уровне МИДа обвинили в нарушении Хельсинки.

Что касается их сути?..

Как смотреть. С одной стороны, полякам наплевать, кто и как на них посмотрит. Им надоело жить хуже других (западных), а откуда строй, власть, которая столько лет себя за все хвалила, возьмет, что нужно, чтоб поляки жили, как немцы или англичане, опять же не их дело. Если же СССР устроил бы им «1968 год», они стали бы яростно воевать. Это не Швейки. И произошло бы кровавое побоище похуже 1939 года с тысячелетними последствиями не только для вековой проблемы «Польша-Россия», но и для всего «революционного процесса». А уж от МКД-то наверняка бы остались бы одни ирландско-мальтийские отрепья.

Судя по моим сведениям, у нас никому не приходило в голову повторить «Чехословакию». Напротив, мы им отвалили очень чувствительный для самих себя займ. И не опубликовали об этом. А поляки, конечно, напечатали и весь мир напечатал. Мы же не можем даже сказать народу о его беззаветном интернационализме…

Дела у нас с продовольствием очень плохи. Особенно бросается в глаза после олимпийского периода. Очереди увеличились. Но нет ни картошки, ни капусты, ни лука, ни моркови, ни сыра. Колбасу, как только появляется, расхватывают иногородние, которые вновь наводнили столицу. Вчера на активе лекторов-пропагандистов аппарата ЦК выступал Гостев, зав. отделом планово-финансовых органов. Человек очень желчный, критичный, злой, яростный. Говорил насмешливо и без оглядки. План выполнили едва на 50 %. В этом году производство от месяца к месяцу все ниже. Особенно плохим был август. С овощами даже в Москве ничего не ждите. Скоро будет плохо с молоком и молочными продуктами, Так что, пошутил, вы, пропагандисты, давайте учитывайте все это, выкручивайтесь. А как – это, мол, вам сейчас расскажет Георгий Лукич (зам. зав. отделом пропаганды – Смирнов).

Это – на уровне аппарата. А вот на уровне Брежнева. Вчера было Политбюро. Б.Н. поделился со мной и Загладиным, что там было. Обсуждали Польшу. Брежнев говорил (Б.Н. почему-то все время подчеркивал, что говорил по бумажке, по подготовленному тексту): это, мол, новая форма наступления классового врага (?), не такая, как в Венгрии и в Чехословакии. И это, мол, лишь начало. Дела могут пойти хуже. Надо написать письмо другим соцстранам и письмо нашему активу. Придется, как он выразился, не «помогать, а вытягивать Польшу». Но в общем – неопределенно, «туманно»…

И самим надо сделать выводы для своей работы:

- профсоюзы надо посмотреть, активизировать;
- к нуждам, к запросам трудящихся относиться чутко, внимательно;
- бороться с комчванством;
- недостатки исправлять…

Вслед за этим обсуждался проект плана на 1981 год. Докладывал Тихонов. Пономарев нам рассказывал об этом «в успокоительном тоне». Перед этим я ему изложил Гостева, и он все время доказывал нам с Вадимом, что, мол, дело не так плохо, тихоновский доклад не подтверждает мрачной картины Гостева. Конечно, план не выполнили, но не на 50 %. Это была бы катастрофа. А не доберем где 2, где 5, где 13 %. Жилищное строительство

Брежнев не велел сокращать. И в самом деле, - комментировал Б.Н., - это наш теперь единственный козырь.

Посетовал Б.Н. на то, что у нас давно уже не было настоящего руководителя в ВЦСПС, по-стариковски вспомнил, какой силой и авторитетом обладали завкомы и фабкомы «в его время».

Потом перешел к очередным делам. А дела привычные, пономаревские, пропагандистские. Закончились приготовления к «Парламенту за мир» в Софии. Б.Н.'у мы сочинили красивый текст, которым он будет стращать и призывать к спасению мира от ядерной угрозы… Заботы его, чтоб «вверху» не придрались, чтоб свой народ не испугать (для этого готовятся два варианта: один для произнесения «там», другой – для публикации в «Правде»), чтоб напечатано было не меньше 15 страниц, чтоб АПН поработала и «донесла» его до всего мира и т.п.

И опять мне пришлось напрягать все свои литературные способности и всю свою ориентированность в последних веяниях «оттуда» и «сверху», чтоб все было в ажуре. Опять портил нервы и Б.Н.'у и себе, доказывая, что некоторые его, так называемые, «идеи», если не вредны, то смешны.

За этим делом прошли две недели после возвращения из Германии. А так как Загладин болел 10 дней, то пришлось опять тащить весь Отдел (Б.Н. вернулся с Юга только к середине месяца).

Между прочим, я уговорил Суслова, чтоб Б.Н. возглавил делегацию на «Парламент за мир».

И каждый день бывали мгновения, когда я вновь и вновь возвращался к главной ноте моего теперешнего существования: а жить-то я когда-нибудь по-настоящему буду? Неужели же вся жизнь должна состоять из 10 часовой службы, когда невозможно отлучиться никуда!

6 октября 80 г.

С 26 сентября по 3 октября был в Англии. Пригласили коммунисты, но замыслил попасть на лейбористскую конференцию. Она оказалась совсем не рядовой: главное отменили порядок (с 1907 года) выборов лидера только из парламентской фракции.

Разговор в посольстве о тактике: коммунисты пригласили, а разговаривать в общем не хотят. Потом, уже в Блекпуле(там проходила конференция лейбористской партии) Дик Кастелло сказал кому-то: «они (т.е. делегация КПСС, приехавшая к коммунистам), мол, почему-то очень хотели попасть на лейбористскую конференцию. Мы им устроили… Больше от нас ничего не нужно».

Днем пошли в ЦК КПВ. Обычное жалкое зрелище. Встретил нас все тот же Берт Рамельсон, винницкий еврей, увезенный в 1913 году, теперь он даже не член исполкома, пенсионер. Вроде бы «подменял» покойного Уоддиса. Необязательный странный разговор, очень неопределенно условились о переговорах с руководством КПВ на 1 октября, т.е. по возвращении из Блекпула, с конференции.

Ужин в посольстве. Келан, Быков (зять Громыко). И вообще в Лондоне гнездо детей «одаренных родителей». Суслов, зав. отделом МИДа пожаловался как-то: я, говорит, превратился просто в блатмейстера – внук М.А. Суслова, зять Громыко, сыновья трех зам. завов Отделов ЦК – Киселева, Соловьева, Щербакова…

В воскресенье с утра на машине поехали в Блекпул. Хотели ехать поездом, но для нас очень дорого. Заехали в Бирмингам. Пустой в воскресенье. Походили по центру. С эстакады необозримое море кирпичных двухэтажных домиков и корпуса заводов.

Центр Midland'a, который я изучал по книгам 30 лет назад, когда писал диссертацию.

Примерно часа два были в Блекпуле. Курортный городок, но простенький, пролетарский курорт. Ярмарочная атмосфера и толпы людей.

Остановились в гостинице, хозяин которой поляк, бывший во время войны летчиком королевских ВВС. Все стены увешаны картинками и фото самолетов.

Екименко (первый секретарь посольства) бросился выяснять наш статут: ведь нас же официально не приглашали на конференцию, а лишь как «гостей» по случаю нашего пребывания в Лондоне. Как и нас, не пригласили чехов – тоже из-за «прав человека», а нас – конкретно из-за Сахарова и Афганистана.

Национальный Исполком. Ответ на письмо ЦК по ракетам средней дальности. И сменили позицию по нашей «делегации»: пустить, как всех других – в качестве наблюдателей.

Вечером прием в профсоюзе транспортников. Дженни Литтл показалась даже красивой, но уж больно худа. Она пыталась посадить меня рядом с Каллаганом, но он прошел мимо, как мимо столба. Ее попытка, явно неуместная, смутила ее самое. Но зато за наш стол сразу же подошел Аткинсон с женой (казначей лейбористов, недавно был в СССР и за это подвергался травле, как «человек Москвы». Да и наши тоже! Выудили у него интервью для «Известий», конечно подправили… и пошло). Однако, он на виду у всех обнимался со мной. Мужество! Его вновь выбрали казначеем подавляющим большинством.

На утро – пешком на конференцию. Зал. Все не как у нас - манера вести заседание, дискуссия, полемика, резолюции с мест – основа работы конференции.

Вечером прием Нацисполкома для иностранных гостей. Я не пошел. Отправил Екименко и Джавада. Причины: а) устал; б) плохо говорю по-английски, чтоб непринужденно общаться; в) они не включили нас в розданный на конференции список гостей, т.е. все таки дискриминировали, хотя de facto обращались с нами, как со всеми.

Джавад принес подробности об обсуждении письма ЦК на Исполкоме, о замыслах Хейварда (генеральный секретарь лейбористской партии). Вообще хорошо поговорил с Хейвардом. Он прорепетировал международную часть своей речи на завтра, оттолкнувшись от только что состоявшейся встречи с югославским послом, который ему рассказал о мемуарах бывшего югославского посла в Москве, только что вышедших. Там было и о Хрущеве, о его манере выбирать на приеме в качестве мальчика для битья какого-нибудь посла и говорить все, что он хочет сказать другим. Вспомнил он и о башмаке в ООН, но у меня, мол, не тот характер и не та власть, чтобы позволить себе такое. Шутил, словом.

А в целом-то, как и речь на конференции на следующий день, в основном в нашу пользу, во всяком случае против милитаристской истерии Тэтчер. Я тем временем сидел в гостинице, поглядывал на телевизор и записывал впечатления и соображения для шифровок в Москву, которые предстояло сочинять по прибытии в Лондон.

Кстати, о телепередачах: развлекательные программы очень пошлые и совсем не смешные. Но передачи, посвященные технике, быту, сельскому хозяйству, другие учебные – высокого класса и умно сделанные. Лучше нашей и международная информация. Документальная же основа ее – просто не сопоставима. Например, получаешь полное, зримое представление об ирано-иракской войне. Дают даже репортаж с передовой.

В кулуарах конференции столкнулись с Макленнаном, генсеком КПВ, который на этой конференции был просто безымянным галерошником. Он пригласил зайти к нему на Kingstreet (штаб-квартира КПВ в Лондоне) между тремя и четырьмя часами. Ясно было, что им не удалось от нас «уйти» в стиле Кастелло… Видно, Макленнан «назначил» для переговоров с нами Маккея (новый глава ПБ) и того же Рамельсона, который хоть и не член ничего, фактически выступал в роли главного. Переговоры свелись к тому, что они попросили меня изложить точку зрения КПСС на конференцию лейбористов; сообщить им по Китаю, Польше; ирано-иракской войне, по МКД то, «чего мы не знаем». В течение двух с половиной часов я довольно бурно говорил им по всем этим вопросам, попутно захватывая и другие. Метод донесения нашего «фэ» по поводу некоторых их позиций, например по Польше, избрал такой: «кошку бьют, невестке поветку дают»!

И хоть выложился и был доволен собой, ощущение по окончании «переговоров» было гадкое: они, коммунисты, в Англии, ничего не значат, они на обочине, они лишь наблюдатели в рабочем движении и вообще в общественной жизни страны. Поэтому и волнуются по поводу наших диссидентов, нашей демократии, Афганистана, «еврокоммунизма»… (Кстати, именно в дни лейбористской конференции они не нашли ничего лучше, как поместить в Marxism to day статью Аскарате (один из лидеров компартии Испании) о «еврокоммунизме». Кому это интересно в Англии? Зачем вся эта дохлая возня?).

После этого я поехал в посольство писать шифровку в Москву о лейбористах, хотя конференция именно в этот день вступила в бурную стадию.

Вечером Келин и Созин (секретарь партбюро) давали ужин в ресторане «Распутин» за счет Народного банка (советского). Мы были предметом внимания, явно вдохновляли оркестрик. Они без умолку выдавали одну за другой русские (в том числе белоэмигрантские и нэповские) мотивы и песни, но и много – просто советских, лучших мелодий. Исполнение заслуживает самой высокой похвалы. Почти не было и налета развесистой клюквы. Гитара – цыган, фортепьяно – молоденькая русская девушка. Пели по-русски (он с цыганским шармом) почти без английского оттенка. И с таким упоением они это для нас делали, что было трогательно. И вновь меня посетило чувство, которое вдохновило Маяковского на стихи о «Советском паспорте». Все таки мы «для них» и сила и загадка. И притягиваем, и любопытно, и странно, и непонятно, чего еще можно ждать от этих русских.

Утром, накануне отъезда, опять писал шифровку на этот раз о встрече с Маккаем и Рамельсоном. В 10 часов официальная встреча с Бертом Карлсоном, генсеком Социнтерна: передача протоколов о прошлогодней встрече в Москве делегации ЦК КПСС и рабочей группы Социнтерна.

<u>11 октября 80 г.</u>

Днем, в три часа встреча с Макленнаном, опять на Kingstreet. На этот раз говорил в основном он. О лейбористской конференции. Уехал, говорит, я оттуда (где он, кстати, выглядел потерянным, жалким, посторонним) со смешанным чувством удовлетворения и горечи. Хорошо, что произошел сдвиг влево в лейбористской партии, хорошо, что такие резолюции о мире, разрядке. Но, с другой стороны, я еще раз увидел, что нас (компартию) никто не хочет ни знать, ни признавать. Мы знаем многих лейбористов, они нас знают, знакомы, общаемся. В профсоюзах есть наши люди, оказывают влияние. Но как партию, нас никто не признает, как политическая достойная величина она не существует. Мы чувствуем себя наблюдателями в рабочем движении.

Это так и есть. Потом, по приезде в Москву, порассуждали на этот счет с Загладиным. Он строил очередную свою лекторскую схему. Я сказал: нет, Вадим, дело идет явно к новой расстановке – к окончательному утверждению социал-демократических партий в качестве интегральной части механизма современного капиталистического общества. На эти же позиции выдвигаются массовые компартии типа ФКП, ИКП, КПЯ. В конце концов в международном плане они составят более или менее однородную политическую величину. И одновременно ускоряется процесс исчезновения мелких компартий, во всяком случае потери или всякого политического значения, как в своих странах, так и на международной арене.

Проговорил с Гордоном два часа. Он все жаловался – после смерти Уоддиса не на кого, мол, и опереться.

Вместе с тем, он дал очень зрелую, объективную, глубокую оценку процессов, происходящих в лейборизме.

Вернулся от него в посольство. Опять засел за шифровку в Москву.

На утро – в Хитроу с Келиным, Якименко и Масленниковым (корреспондент «Правды»).

А с 4-го началась опять рутина, где-то около реальных мировых событий. Сразу, утром попал на Секретариат ЦК (награждение Гэса Холла – Суслов), опять подготовка выезда Б.Н.'а на Берлинскую конференцию, доклады, тексты…

И окунулся в информацию о Польше, об их VI Пленуме. Доклад Каниа и прения. События, сотрясающие социализм. Наша реакция пока в том, что решением ЦК запрещено распространение в СССР «Трибуны люду» и проч. польских газет и журналов. И впрямь: теперь там открыто, резко, честно говорят о том, что у нас, в СССР, в еще большем и более грубом виде присутствует… Именно о том, что привело Польшу к такому кризису. А мы, потому что мы Россия, можем в таком кризисе и маразме пребывать десятилетиями. Уверен, что при щадящем режиме для нашего Главного, да и у других – никто из них даже не прочел полного доклада Кани, не говоря уже о стенограмме Пленума, которая идет по белому ТАСС'у под грифом «совершенно секретно». Думаю, что даже у Б.Н.'а, занятого мелкими бумажками изо всех рубежей, не хватило на это времени. Да и зачем им это все? Никто у нас не собирается ничего менять. Забота у нас одна – сохранить здоровье, благополучие, покой и проч. высшие блага для Генерального и некоторых других вокруг него – это поистине (как в давнюю старину) высший государственный интерес. Ему подчинено все остальное: от добычи угля и нефти до заключения договора с Сирией.

Редакция «Вопросов истории». Спокойные дискуссии. Меня по-прежнему слушают. И я не могу различить: то ли дело во мне самом, то ли в моей должности.

Суслов велел Б.Н.'у сократить число иноделегаций на съезд, так как нельзя утомлять Леонида Ильича. И вообще – съезд по этой причине будет не 9 дней (как XXV), а 5 дней. Съезд – для Л.И., получается, а не для страны, для партии. И в такой момент: Польша, Афганистан, ракеты – гонка, ведущая к катастрофе (сначала экономической)! Какое-то преступное безумие, причем рутинное, обыденное, тихое!

18 октября 80 г.

Только что проводил Пономарева в Рим на похороны Л. Лонго. Оттуда он поедет прямо в Берлин на конференцию по национально-освободительному движению, которую пришлось все равно готовить мне, несмотря на наличие теперь уже трех «третьемирских» замов.

Брежнев обнимается то с Асадом сирийским, то с Кармалем – кабульским. Газеты и TV заполнены этим, а между тем положение у нас (экономическое) не лучше, чем в Польше. Там кризис растет. Вчера прочитал поступившее по линии наших военных воззвание профсоюза «Солидарность» к народу Польши и ко всем народам. Там отчетливо новая, антисоветская нота: хватит нам, полякам, платить по интернационалистическим счетам, которые поступают с Востока, - то Куба, то Вьетнам, то Эфиопия, то Кампучия… Если кому это нужно, пусть и платит… Хватит терпеть позор, который принесли Польше 1939 и 1944 годы…

И кроме того, опять экономические требования, которые превышают в десятки раз экономические возможности. Те, кто за спиной Валенсы, не выдвигая прямо претензий на власть, ведут дело к экономическому хаосу, чтоб нынешняя власть сама ушла. Обещают – на силу ответим силой. А производство падает, рабочие у станков занимаются дискуссиями, доверие не восстанавливается, и «Солидарность» в этом воззвании первым пунктом требует узаконения официальной политической оппозиции.

Наш народ ничего почти не знает, что происходит в Польше. Узнает, когда туда будут посланы наши танки. А это не исключено, если нынешнее руководство уступит или начнет уступать власть «Солидарности».

Продолжаю читать Боффу об истории КПСС после войны. Ведь все всем известно про нас. Все уже написано (несмотря на то, что мы тщательно скрываем и архивы, и то, что сами знаем и видим). Все уже прочитано, кем нужно. Чего же мы пыжимся! Наша

традиционная позиция - «раз мы не признаем, этого не существует или не должно существовать» - уже давно ни на кого не влияет. Морально-идеологический престиж наш находится ниже самого мыслимого уровня. И он падает все ниже от того, что мы лжем, лжем и лжем своему народу, себе, всем другим народам и партиям. А то, что не укладывается в эту ложь, рассматриваем как антисоветчину, вражеские происки или ревизионизм.

Даже такой, в общем-то поверхностный факт - эта самая Берлинская конференция, про которую, впрочем, никто из нашего руководства и знать не хотел. И только наша интрижка по наущению Б.Н. – через посла Отта добраться до Хоннекера, чтоб он, узнав, что Пономарева не пускают в Берлин, позвонил Брежневу, только эта мелкая игра позволила Б.Н. таки поехать. Но не в этом дело. Доклад, над которым трудились три месяца… Очередное «учение Пономарева», состоящее из восьми тире на этот раз о том, что такое страны социалистической ориентации… Это же дешевое пропагандистское клише, которое невозможно спроецировать даже на «самую хорошую» такую страну.

И это – не самая опасная и не самая глубокая ложь, которой мы служим.

Да, Польша может стать камнем преткновения всего послевоенного социализма.

<u>21 октября 80 г.</u>

Через три часа начнется Пленум ЦК. А в воскресенье я встречался с Бовиным. Он в санатории Герцена «реабилитируется» от чего-то, а до этого был около месяца в больнице. А еще до этого он, как и всегда в таких случаях вместе с академиками Арбатовым и Иноземцевым и помощником Цукановым, почти все лето сидел на «даче» в Волынском-2 – готовили «внутреннюю» часть Отчетного доклада к XXVI съезду. В сентябре их переключили на подготовку речи Брежнева для сегодняшнего Пленума. Пленум посвящен в основном плану 1981 года.

Речь они подготовили под впечатлением Польши и почти отчаянного положения в нашем собственном хозяйстве. (Бовин мне передавал свой разговор с Байбаковым – в порядке подготовки к тексту. Тот сказал: «Я просто не знаю что делать!») Сашка не очень распространялся насчет содержания «первого проекта»… Но смысл примерно был такой: «В отличие от прошлого я не буду говорить обо всем, не буду давать общих оценок наших достижений. Поговорим сначала о главном – о продовольственной проблеме. Как могло случиться, что мы оказались в таком положении. Между тем, у нас отличная политика была намечена на сентябрьском Пленуме 1965 года… Но мы ее фактически забыли и теперь вбухиваем огромные суммы в сельское хозяйство, а отдача все меньше и меньше» И т.д. с конкретными данными и о сельском хозяйстве, и о транспорте, и о промышленности.

С этим текстом числа 10 октября трое вышеупомянутых (без Бовина) поехали к Брежневу «на громкую читку».

И впервые за 13-15 лет «совместной работы» текст был категорически отвергнут. Причем, четыре раза Л.И. заявлял, что он вызывает у него раздражение и два раза обозвал его очернительством. Тем не менее – обычная тактика нашего Генсека: заручиться «коллегиальной» поддержкой – он послал его некоторым членам ПБ и некоторым Секретарям, обзвонив их предварительно. (Можно себе представить было заранее, какая будет у них реакция – всем он говорил о своем раздражении). Однако, некоторым он не сумел почему-то дозвониться: Громыко, Устинову, Капитонову. Эти прислали прямо таки восторженные отзывы, взахлеб, что называется. Например, Громыко: «Это действительно партийный, ленинский подход. Как ты хорошо и сильно ставишь главные вопросы. В самом деле, до каких пор можно терпеть такое положение. Посмотри в Америке: там одна Калифорния кормит овощами и фруктами всю страну, а у нас… Почему, например, Молдавия и Грузия не могут выполнять эту роль». И т.п. Капитонов распространялся насчет глубины марксистско-ленинского анализа, заслуженной остроты и т.д. Устинов полностью одобрил «подход», хотя и в спокойных тонах. Это – те, кто «не знал, что текст вызвал

раздражение». А те, кто знал – Суслов, Андропов, Тихонов – раздолбали его беспощадно. Суслов аккуратно вычеркнул все голо критические, т.е. не сбалансированные достижениями места, а в перечне слов: «бюрократизм, хамство, чванство» смахнул «хамство». Андропов помимо вычеркивания начинил текст комсомольскими восторгами по поводу грандиозных достижений. Тихонов искромсал весь текст и вырубил все, что относилось к управлению, планированию, организации производства.

В результате, как выразился сегодня Иноземцев, «у нас вырезали яйца»… [Я должен оговориться: в том, что написано на предыдущей странице, есть уже и информация, полученная от Иноземцева и Арбатова на Пленуме. Приходим мы туда много раньше начала, чтобы «занять место» Так вот: только я уселся, ко мне подошел Иноземцев, оттащил за колонну великолепного Свердловского зала и стал изливать душу. Потом подошел Юрка Арбатов, утащил меня в коридор и еще полчаса рассказывал «как было». Кстати, в своей «солдатской манере» действия Суслова изобразил так: «Михаил Андреевич всегда знает, где яйца, и как их ни прячешь, ни закутываешь, он их сразу увидит и… чик, отрезал».]

Бовин особенно шумел на Андропова: он-то уж все знает! Неужели же ему тоже врут! Неужели до такой степени! Или он не понимает, куда это ведет?! Немыслимо! Я вот выздоровею, напрошусь на прием и устрою ему просто истерику.

Арбатов матерно ругает Тихонова, впрочем, Бовин тоже: слизняк, жополиз, ничтожество. Думает лишь о том, чтобы «дожить» на этом месте, полная бездарь, а уж о какой-то там партийности, каких-то идеях или заботе о 260 миллионов и… рядом этого никогда не ночевало. Косыгин болен, подмят, давно не способен ни на какое самостоятельное действие или инициативу. Но тот хоть знает хозяйство, грамотен, видит опасность и, пусть по инерции, но озабочен «государственным интересом», а не только своим поджопником. А этот – просто сволочь, интриган, старческая труха. И Брежнев его презирает, хотя и сделал его уже фактически «вторым лицом» (Арбатов). Впрочем (Бовин), Брежнев всех презирает, никого в счет не берет, даже своего Черненко. Единственно, с кем он считается, это Суслов (идеологический ребе), который, наверно, с помощью хитрой политики бесконечных награждений и восхвалений, завоевал безраздельное доверие Генерального. Косыгина же, он хоть и не уважает, но побаивается: все таки еще сталинский член Политбюро, сталинский нарком. К тому же за ним какой-то не очень понятный «авторитет в народе», может быть тоже от тех времен.

Иноземцев говорит: весь этот план, который сегодня будет обсуждаться (на 1981 год) и план на пятилетку – сплошная липа. Ничего не сбалансировано. Положение в решающих отраслях аховое. Никто ничего не хочет видеть, вернее не хочет, чтоб заметили, что он видит. Вот смотри: сколько говорим о тракторном парке, о комбайнах, на котором уж Пленуме, при всей робости выступлений, об этом судят-рядят. И что же? Байбаков не может дать денег на модернизацию. Между тем, наш лучший комбайн «Нива» дает потери зерна 2 центнера с гектара – по сравнению со средними американскими образцами.

Или: во всем мире уже не выпускают грузовиков с бензиновым двигателем, наши «ГАЗ» и «ЗИЛ» и на одиннадцатую пятилетку остаются на бензине. Из-за этого мы теряем 25 млн. тонн нефти в год. Т.е. как раз такую величину, которая дала бы нам от экспорта покрытие, способное завалить западным ширпотребом всю страну. Для перевода этих двух заводов на дизельные двигатели требуется 2 млрд. рублей. Но у Байбакова их тоже нет.

Продовольственную программу Брежнев выдвинул. Это, собственно, не программа, а директива, обещание накормить народ и мясом, и молоком, и овощами, и фруктами. Конечно, все поддержали, но по сути своей речь была лакировкой. Бросается в глаза разница даже с июньским Пленумом: там была тревога, озабоченность, там была жесткость в отношении ведомств, острота. Здесь это все исчезло. А что – положение изменилось к лучшему? Появился какой-то просвет? Ничуть не бывало. Просто с тех пор и сам Брежнев и другие испугались самокритики, а Польша напугала совсем: зачем в глазах всего мира выглядеть увеличенной Польшей! На наш век, мол, хватит! За пять-шесть лет Россия не

погибнет и зачем бить себя в грудь, зачем браться за рискованные перемены?! А народ стерпит – ему все равно ничего не остается, к тому же «он не голодный» (так, кстати, Брежнев сам сказал Арбатову).

25 октября 80 г.

Кончился Пленум. Прошла сессия Верховного Совета. Ощущение недоумения, горечи, гнева. И хотя Бовин, наверно, не просто бахвалится, говоря мне, что он постарался сохранить критический «дух», заложенный академиками в речь Брежнева на Пленуме, она все таки более бравурная, чем на июньском Пленуме. Получается, что за четыре месяца что-то существенно улучшилось. На самом же деле наоборот. Правда, и западные СМИ, и наши «посторонние» наблюдатели заявляют, что, если внимательно читать, в каждом почти абзаце увидишь признание, что дела идут худо. Однако, у всех правильное впечатление: плана для выхода из положения нет.

На фоне Польши и всех остальных, включая нас самих и ГДР, Венгрия сейчас, пожалуй, единственная, где выход найден. Там давно и честно признались, что социализм по той «модели» и по тем рельсам, на которые его поставили в 50-60 годах, зайдет в тупик. И помаленьку стали искать новую модель. Она уже работает, по крайней мере не срамит страну.

У нас же реакция даже на Польшу – однозначная: контрреволюция, ревизионизм, посадить бы зачинщиков и дело в шляпе. Пономарев вот, вдохновленный приемом у Хонеккера, стал спонсором созыва закрытой «шестерки» на уровне генсеков для обсуждения положения в Польше (с участием Кани). Однако, как Б.Н. мне с возмущением сообщил, Русаков на ПБ выступил против: мы, что, избиение Кани будем устраивать? Что мы можем сейчас ему предложить? И отложили эту идею…впредь до итогов визита Кани в Москву. Я прямо спросил Пономарева: вы что имеете в виду? Наши войска?

- Нет, об этом никто не говорит. Но надо, чтоб поляки сами взялись…, чтоб их армия сказала свое слово. И вообще – если бы Ярузельского (главком Войска Польского) сделали первым Секретарем, он быстро бы навел порядок. А то совсем разнюнились. Валенса в Кракове выступает, говорит черт знает что, а ему никто не дает отпор. Можно же ведь было бы подготовить пять-шесть хороших коммунистов, чтобы они с той же трибуны дали ему по зубам. И вдарился в воспоминания о том, как в 1922 году он и его друзья по партячейке на текстильной фабрике дали отпор бузотерам, пытавшимся спровоцировать забастовку.

Я спрашиваю: А какой отпор можно давать, если Валенса призывает людей работать и говорит, что надо отобрать машины и дачи у тех, кто их получил незаконным путем? Что тут можно сказать?

Б.Н. подозрительно посмотрел на меня и перешел на другую тему.

На Пленуме шло восхваление Брежнева. Каждый начинал с пышных восторгов насчет того, что речь Леонида Ильича – глубочайший марксистско-ленинский документ, программа действий на весь исторический период, пронизана ленинской мудростью и научным подходом, подлинной партийностью и т.п., воодушевляет, поднимает, мы теперь имеем настоящую ленинскую стратегию. Все благодарили «нашего Леонида Ильича», все лично ему обязывались выполнить поставленные им задачи. Восхваление достигло маразматического апогея в речи самого Брежнева при закрытии сессии Верховного Совета, когда он взял слово, чтоб заменить Косыгина Тихоновым. Он дважды назвал самого себя с полными титулами в связи с выраженной уверенностью уходящего Косыгина в том, что партия, сплоченная вокруг и во главе с Брежневым добьется новых успехов.

Между прочим, благодарности Косыгину никто не выразил, ни сам Брежнев, ни председательствовавший (Рубен, латыш), ни от имени… И я подумал, почему бы какому-нибудь депутату, комбайнеру или токарю, не встать и не предложить: «Верховный Совет

СССР выражает Алексею Николаевичу Косыгину благодарность за долголетнюю добросовестную работу»… И далее, привычный в таких случаях штамп. Что бы ему, этому комбайнеру, было за такую инициативу? Да, ничего. «Дальше фронта, (т.е. комбайна или станка) не пошлют». Но никто не догадался или не осмелился. Такова наша общественная нравственность.

Когда Брежнев объявил Тихонова, в зале будто что-то оборвалось, будто тихое «ах!» прокатилось по рядам. Сзади меня сидели ребята, рабочие, депутаты из Алтайского края. И слышу один другому громко шепчет: «Помоложе не нашли!».

Брожение ходит по депутатам и членам ЦК. Во время сессии, в перерыве, когда обычно депутаты идут перекусить, разговаривают двое у столика, где и я: Туркменский секретарь и второй секретарь Тамбовский. Тамбовец говорит: стыдно, что страну прокормить не можем. А дали бы мне волю, я бы и область накормил и другим бы осталось. Вот пример: каждый год мы сдаем столько-то мяса в государственный фонд и каждый год, весной мы просим выделить нам из госфонда столько-то мяса. Дают, меньше – больше, но дают. Во-первых, при перевозках туда – сюда потери. Во-вторых, дорога чего-то стоит. А в третьих, у людей нет стимула, раз они знают, что почти все, если не все, что они произведут, должны отдать. В результате, ни у нас нет мяса, ни у вас (показывает пальцем на меня, как представителя столицы и центральной власти). Но зато государственный фонд может через ЦСУ отчитаться: собрано столько-то по сравнению с прошлым годом и т.д.

Тамбовский секретарь продолжает: у нас под Тамбовом есть мощная ТЭЦ, много дает тепла и воды. Сколько лет я прошу в министерстве и в ЦК, чтоб разрешили при ней построить теплицы. Завалил бы Тамбов овощами. Нет, нельзя, говорят, рабочей силы, мол, негде взять, чтоб построить. Хотя я свою предлагаю и даже – часть своих материалов. Рабочей силы не хватает, чтобы один раз и навсегда построить объект, который будет давать больше сельскохозяйственных продуктов, чем труд тех двух сотен человек, которых та же ТЭЦ ежегодно на два месяца посылает в колхозы собирать овощи и фрукты.

И вообще, казалось бы: если за восхвалениями Брежнева вдуматься в некоторые цифры и факты, приводимые участниками Пленума, подтекст – очевиден: «дайте волю, дайте минимум материалов - горы своротим, накормим страну». Эта идея просматривается в некоторых выступлениях довольно отчетливо.

1 ноября 80 г.

На работе сейчас затишье – в том смысле, что у Б.Н. пока нет идеи написать еще какое-нибудь теоретическое сочинение. Нет потому, что в последнее время он печатается по два раза в месяц. И уже сам ощущает перебор – может вызвать недовольство наверху.

Карэн (Брутенц) на днях смеялся, сидя у меня. Когда, говорит, Б.Н. беседует в четырех стенах с каким-нибудь лидером из третьего мира и даже коммунистическим лидером, то часто вспоминает о своей молодости, расспрашивает о работе в армии, предупреждает против всяких иллюзий насчет «мирных путей», словом, такой он большой революционер. А когда где-нибудь становится горячо и дело доходит до вооруженной борьбы, его единственная реакция – надо выступить со статьей.

Именно, благодаря такой тактике, мы вчера просрали Ямайку. Сколько я настаивал, просил, убеждал, чтоб реально ей помочь, Б.Н. отмахивался, даже посмеивался. Я обрывал телефоны у всяких ведомств, явно превышая свои полномочия, добился лишь поставки для партии Мэнли 5-ти легковых машин. От Б.Н.'а – сорока тысяч рублей, в порядке межпартийной помощи. А на противников Мэнли действовали каждодневно ЦРУ и миллионные вливания оружием, продовольствием и проч.

Логику искать бессмысленно. В Афганистан мы вбухиваем несколько миллионов в день, платим кровью своих солдат тоже каждый день. Зачем – никто объяснить не может. А в

огромном числе «пунктов» требовалась бы минимальная наша поддержка во вполне «благородной» форме и получали бы и политические, и престижные дивиденды.

Что же касается Ямайки, то боюсь, вчерашний провал Мэнли на выборах сыграет роль Чили 1973 года для всего района Центральной Америки и Карибского бассейна.

Видимо, для дневника (для «будущего читателя») важно и интересно, если бы я каждый день бесхитростно писал о фактах, которые мне становятся известными. Но мне не хочется писать об этом, тем более, что у меня нет времени излагать все, что узнаю за день. Нет и энергии. Устаю я. А хочется писать о себе, о всяких переживаниях и «думах». Они мелькают и исчезают. Сколько их за день-то проскочит в голове! Вечером и не соберешь. И не всегда домашняя обстановка позволяет. И непонятное это состояние длится во мне уже довольно долгое время. Ничего не хочется читать из так называемой художественной литературы. Я с большим удовольствием изучаю Боффе или Carr'а, чем, например, Трифонова «Старик» (модно) и проч. вещи в журналах. Вряд ли тут только субъективное, перегруженность всякой информацией по службе и неверие в полезность худлитературы. Тут, видно, и встречный процесс: литература, которая всегда была на Руси могучим, идейным и политическим локомотивом общественного развития, вроде теряет это свое качество – и потому, что она лишена возможности брать общественную проблему целиком, и потому тоже, что слишком велика проблема (тупик), перед которой оказалось наше общество, чтобы литература могла чем-нибудь здесь помочь… хотя бы осмыслить.

Польша. Приезжали Кани и Пиньковский. Встречались с Брежневым. Ничего не ясно, что было на самом деле. Но кризис там разрастается и конца не видно. Кризис коренной – кризис руководящей роли партии, которая, потеряв или отказавшись от силовых и запугивающих приемов, оказалась бессильной возглавлять общество, следовательно, реального, морального авторитета она уже не имела. У нас – тоже. Но того же у нас не будет, потому что от силовых приемов у нас не откажутся. Трагедия пока откладывается, а она будет тогда, когда мы решим, что «теряем» Польшу. Интересно, дал Каня понять нашим, что повторение Чехословакии-68 не будет, даже, если он, Каня, сделает все возможное, чтобы нам помочь в этом.

Страшно даже подумать, если наши решатся пойти на такое. А могут ведь, потому что тот, кто решает, не имеет необходимой информации (не может даже прочесть, что под рукой), чтобы оценить последствия. Впрочем, даже если бы и был физически способен все читать, вряд ли в состоянии осмыслить значение своих решений и действий – из-за маразма. Но рядом кто-то очень хочет, чтобы такое решение состоялось. Позавчера взорвали помещение аэрофлота в Варшаве. Кто это сделал? Подозревают «в народе», что КГБ. Также упорно циркулирует по Москве слух, будто Машерову подстроили катастрофу. Дикость. Обывательский вздор. Однако, чего стоит руководство, которое подозревают в таких делах, пусть даже обыватели.

Что весь социализм переживает (какой-то!) критический период, свидетельствует забастовочное движение в Советском Союзе. Да, да, можно говорить именно так. После скандала с Чернобыльской АЭС под Киевом, когда Брежнев на ПБ кричал: «Далеки вы от рабочего класса! Оторвались!», - Капитонову и Долгих поручено было изучит и доложить о негативных явлениях подобного рода. И вот 15 октября они представили в ЦК записку. Вот ее фактологическое содержание.

За последнее время участились факты прекращения работы и другие негативные проявления. Причины: нормы оплаты труда, неправильное начисление и несвоевременные выплаты зарплаты, особенно премий, плохие условия труда, невнимание к жалобам.

Примеры:

Нижнеисетский завод металлоконструкций. В одном цеху сто человек не вышли на работу, в другом – 57 человек.

Алитусский хлопчатобумажный комбинат в Литве. Отказались работать 116 работниц ткацкого производства.

Бастовали:

Завод им. Орджоникидзе в Златоустье.

Строительно-монтажный поезд № 156 в Челябинской области.

Цехи и смены в Уманьсельмаше.

Здолбуновский механический завод на Украине.

Комбинат детской одежды в Ашхабаде.

Тартусский завод по ремонту сельскохозяйственной техники.

Карачаевский конденсаторный завод Ставропольского края.

Завод сепараторов в Махачкале.

Копейский машиностроительный завод.

Еманжелинское автопредприятие Челябинской области.

Цех аллюминиевого литья на заводе в Тольятти.

Из-за недоставки сырья на Ворошиловоградском тепловозостроительном заводе с 3-го по 10 сентября стоял прокатный цех. По той же причине почти два месяца стоял Васильевский завод холодильников под Киевом.

Особой причиной недовольства является невыполнение, записанных в колдоговорах обязательств и мероприятий. За 1979 год не было выполнено 500 000 таких пунктов. Половина их касается оплаты труда, 21 % - охраны труда, 14 % жилищно-бытовых условий.

Сверхурочные и работа в выходные дни. В угольной промышленности, например, большинство выходных дней – рабочие. На шахтах Кемеровской области за 7 месяцев отработано 26-28 выходных дней из 30.

Еще одна причина – коллективная ответственность за состояние трудовой дисциплины. Вынуждают бригады, смены, цехи принимать обязательства: если кто-то нарушил дисциплину – все лишаются премии. На Нижнеднепровском трубопрокатном заводе 600 рабочих, работавших добросовестно и даже хорошо, лишены премии из-за нескольких нарушителей.

В 1979 году имело место 300 «учтенных отказов от работы», в которых участвовали более 9 тысяч человек. За последние недели число таких отказов растет. Некоторые из них ставят производство перед катастрофой. Так, на заводе «Североникель» три дня рабочие не вынимали металл из электролизных ванн.

Вот такие вещи происходят. Важно, однако, что «силовых выводов» не сделано. В основном авторы записки предлагают: «улучшить», «обратить внимание», «проявить заботу», «поднять воспитательную работу» и т.п.

Такое даже при Никите вряд ли бы стерпели, не пустив в ход соответствующие органы и войска.

Но реальных средств покончить с забастовками у нас нет, ибо нет ни мяса, ни порядка, ни справедливости.

А «Правда» чуть ли не каждый день выдает статьи, от которых волосы шевелятся. Например, вчера – о ресторанной службе в дальних поездах.

9 декабря 80 г.

28 ноября по 2 декабря был с Шарифом (зав. сектором Международного отдела) на Мальте. 2-5 декабря – в Риме. По пути на Мальту, во время остановки в Риме, был приглашен в ЦК ИКП. Разговор с Пайеттой и с Рубби. Два главных вопроса: 1) землетрясение в Италии; 2) Польша – требуют передать в Москву решение руководства ИКП, предупреждающее о недопустимости интервенции. А по первому пункту – позор и стыд. Все газеты пишут: помощь от СССР даже в абсолютных цифрах меньше, чем от Исландии и Ирландии. Собеседники обозначили четыре ступени краха в последнее время престижа КПСС в глазах итальянских коммунистов:

- еврейская эмиграция;

- Афганистан;
- Польша;
- Землетрясение.

Встречавшие меня посольские говорят, что стыдятся на улице или в магазинах разговаривать по-русски между собой - сразу недобрые взгляды, а то и оскорбительные реплики.

В этот же день улетели на Мальту.

Вечером в парламенте во Дворце рыцарей два часа ждали, пока премьер Минтофф закончит свою четырехчасовую парламентскую речь. Уже в одиннадцатом часу вечера он нас принял, в присутствии Тригоны (лидер лейбористской партии) и всех главных министров. Я сходу «делал» нашу политику в отношении целого государства (!), никого, как говорится, не спросясь и не имея никаких директив и полномочий.

В Риме, в основном, наслаждался его величием. Было несколько дружески острых дискуссий с итальянскими деятелями.

По возвращении в Москву - навал работы и информации. ПБ приняло решение по моей информации о встрече с Пайеттой и Рубби: поручено составить ругательное письмо в адрес ЦК ИКП – чтоб не лезли в польские дела.

Я сумел запугать Б.Н.'а реакцией Италии на нашу жалкую помощь жертвам землетрясения: итальянцы нам суют под нос – учите нас интернационализму, а сами как себя ведете! Он внял и принял меры, чтоб дать еще денег. Есть у нас для них один миллион (NB). Американцы дали 50 миллионов.

19 декабря 80 г.

Сегодня день рождения Брежнева. Всенародный праздник. Вчера включил программу «Время» и обмер… Пока мазохистски смотрел передачу, меня била истерика, я исчерпал весь запас мата. При полном сборе всего «верха» Суслов вручал ему Орден Октябрьской революции и говорил всякие слова о Ленине, Великом Октябре, заботе о благе народа, о всенародной любви, о мощном развитии страны и великих достижениях в строительстве коммунизма.

И все это на фоне Польши, в обстановке, когда в Харькове, Ростове и т.д. и т.п. надо в 6 утра встать в очередь, чтоб достался литр молока, когда в Челябинске вообще шаром покати. Когда Секретарь ЦК обратился к обкомам и республиканским ЦК с письмом «принять все меры», чтобы исправить положение со снабжением мясом, так как в большинстве мест – катастрофа с этим и ситуация названа политической. Когда на днях разослана (решением Секретариата ЦК) записка Черненко об ужасающем положении с отоплением жилищ повсюду в стране (сотни коллективных писем), так как не хватает угля и дров. Когда бумагоделательные машины на крупнейших комбинатах останавливаются или работают на 60 % времени, так как нет сырья. Когда 60 % судов месяцами стоят на рейде, так как нет вагонов, чтобы перегружать… даже хлеб, купленный на золото и т.д. и т.п.

И вот этот безобразный, циничный спектакль перед всем народом. Я не знаю и не представляю себе советского человека, у которого эта сцена не вызвала бы презрения, горечи, ненависти, бешенства, мата… Сегодня с кем ни встретишься, спрашивают: «Видел вчера!»

Такое впечатление, что наши лидеры твердо решили: «А еб… мы всё и всех, пусть говорят, что хотят, ни х.. они с нами не сделают!»

Позавчера ПБ назначило несколько новых заместителей председателя Совмина и несколько новых министров, отправив очень уж древних на пенсию. Все – украинцы, один (Бодюл) – молдаванин. В этой связи я с некоторым удивлением узнал, что и Тихонов – хохол! Просто каток катит на Россию Украина…

Между тем, Москва полнится слухами, что умер Косыгин. Но не объявляют, якобы, чтоб не портить день рожденья. Все кто передают это друг другу, выражают сожаление, жалеют… Форма оппозиции, форма выражения презрения к тем, кто «не дал ему спокойно добыть на посту».

В Польше кризис приобрел всеохватывающий характер, все выплеснулось наружу. То, что они пишут о себе – о партийном руководстве, о власти, о всей общественной и государственной системе, о порядках и беспорядках – все это (без единого исключения) слепок и с того, что у нас. Но, как правильно заметил их академик Щепанский, разница в том, что в Польше в 70-х годах был фактически демонтирован репрессивный стиль (если не аппарат) и поэтому совладать с движением никто уже не может. У нас же он наоборот был укреплен в необычайной степени – именно в 70-е годы. Так что у нас пока ничего не будет. Но забастовки могут приобрести массовый характер.

26 декабря 80 г.

С 20 декабря я опять в «Соснах», отпуск. Тоскливо и слякотно. На улице нуль градусов. Только два раза ходил на лыжах. Зато попутешествовал по окрестностям Подмосковья.

Река Истра – красивая, вся в деревьях по берегам, как в аллее… И село ухоженное, рядом животноводческий комплекс. Когда возвращался обратно, мужики шли домой на обед. Ни одного среди них трезвого не было. И главное, что опять потрясло: возле церкви памятник войне – стандартная фигура женщины с оливковой (?) ветвью в руках, поодаль стенка, на ней фамилии погибших. Посчитал, плача (тем более, что никого рядом, народная тропа по сугробу не протоптана!). 150 человек. Это – из одной деревни! Целая маршевая рота полного состава. И почему-то в эти, такие вот моменты, каждый раз вспыхивает горечь в отношении Брежнева и К°. Это – сложная связь, не буду здесь ею заниматься.

На другой день пошел в противоположную сторону – к Звенигороду. Дошел до деревни Аксиньино (за Николиной горой в 5 км.). Та же история с церковью: издали грандиозно и маняще, вблизи полуразрушенная низенькая, чуть ли не часовенка. Возле церкви опять же «стенка» с именами погибших, здесь их – 57 человек, но и деревня поменьше.

Кстати, соприкоснулось это с состоянием, вызванным «Выбором» Бондарева и «Один день как вечность» Айтматова. Очень разные вещи, но они отражают лихо заявившую о себе, непреклонную и, кажется, уже не устрашимую тенденцию нашей современной литературы: ничтожность всей этой парадной суеты на политической верхотуре в сопоставлении с тайной жизни и смерти простого человека, со смыслом его существования, с его естественными и подлинно человеческими представлениями о добре и зле, о том, что нужно человеку, и что чуждо ему.

В этом отношении характерен и сам съезд писателей РСФСР, где отчетливо проступила система ценностей, далекая и даже внутренне противоположная официальной, хотя и обозначаемая одинаковыми словами: труд, родина, честность, ответственность, долг, правда и т.д.

Ведь то, что сейчас печатают каждый месяц в толстых журналах, далеко превзошло (и по глубине, и по мастерству, и по критической остроте проблематики) то, с чем выступили диссиденты и эмигранты, уехавшие под предлогом, что им, видите ли, нет тут свободы творчества. А на самом-то деле – кишка тонка, да и западные тряпки плюс скандальная слава!

В этой связи прочел на днях статью Рудницкой (для «Вопросов истории») о «Колоколе» на французском языке (1867-68 годы). И опять поразился величию Герцена. Эти пигмеи – наши диссиденты не имеют ни малейшего права ссылаться на него. «Колокол» в этом (иностранном) варианте возник потому, что Герцен и Огарев решительно разошлись с

«западной демократией», настроившейся тогда на моду поносить и топтать (собирая все силы «против») Россию. «Kolokol» призван был сказать «им», бросить в лицо: ничтожны вы, чтоб ее судить, глупы вы, отождествляя Россию с теми, кто ею правит.

Боже мой! Неужели это – «вечная проблема»?!

Умер Косыгин. Объявили об этом спустя три дня, чтоб не портить день рожденья Брежневу (отомстил таки старик). Но о смерти в Москве стало известно раньше, чем объявили. И поползли слухи: как будут хоронить? Неужели «замотают», как с Машеровым. Ведь сняли, даже не поблагодарив, только потом опомнились и пропечатали в газетах, чего на самом деле не было.

Был день колебаний, очевидно наверху. И потом – сделали по «первому разряду», как если бы умер «при исполнении». Не осмелились, видно. Знали, что Косыгин (хотя он и не совсем заслуживал ходившей репутации) символ былой скромности власти, считал себя на службе у народа, а не трепался лишь о своей заботе о нем. К тому же, видимо, сообразили, что превратив «день рожденья» во всенародный государственный праздник, и опять – орден (каждый год – либо очередного героя, либо орден дают), нельзя глумиться над мнением народным в связи с покойником, которого уважали… более того: скрыто противопоставляли Брежневу, считали незаслуженно задвинутым!

Послесловие к 1980 году.

В этом «томе» автор дневника выносит свой окончательный приговор брежневско–советскому режиму – злой, беспощадный, непримиримый. Стартовым пунктом этого приговора явилась афганская преступная авантюра, в которой сконцентрировались все пороки, вся глупость и социальная подлость режима.

В записях ошеломляющие картинки маразма власти и лично Генерального секретаря, их неспособность ни понять, что происходит и куда идет дело, ни принимать решения, в которых хотя бы по касательной присутствовали здравый смысл и чувство ответственности перед страной.

Лживость режима достигла гомерических размеров. В экономике застой, развал и безобразия, финансовое положение аховое, повсюду и во всем дефицит, пустые полки, очереди за самым необходимым. Начались, уже не как единичное явление, забастовки – вещь немыслимая в СССР с 20–х годов! А в это время наверху вызывающая отвращение и ужас нескончаемая вакханалия поздравлений, награждений, в том числе друг друга, чуть ли не каждодневно приветствия Генерального секретаря коллективам, предприятиям, учреждениям, областям и лицам за явно фиктивные успехи.

Осенью появилась «проблема Польши». В Москве запахло повторением «Праги–68». В дневнике зафиксированы настроения в Политбюро, слухи, разговоры, предположения и опасения – «что будет? Как себя поведем? Не сорвемся ли опять на преступный путь?». Автор и его коллеги размышляют о событиях в Польше в широком плане: они ведь высветили, гораздо резче и откровеннее, чем Пражская Весна, и разоблачили несостоятельность не только «социалистической империи» – соцсодружества, но и социализма в целом – как строя, в том виде, как он сложился со времен Сталина.

Любопытны наблюдения за ситуацией в высшем руководстве – не только полный маразм Генсека, но и отношения главных персоналий возле него и между собой – тех, кто, пользуясь состоянием «самогó», делал «свою политику».

Как всегда присутствует тема международных связей – в ракурсе позорной и опасной политики Советского Союза и в связи с Олимпиадой в Москве. Немало мест уделено и попыткам автора, довольно высокопоставленного партийного чиновника, с позиций «двоемыслия», приукрашивать «по службе» имидж «партии и Родины».